

Член-корр. АН СССР С. И. Соболевский

РАБЫ В КОМЕДИЯХ АРИСТОФАНА КАК ЛИТЕРАТУРНЫЙ ТИП*

В настоящей статье я поставил своей задачей рассмотреть рабство с историко-литературной точки зрения, именно рассмотреть, какой тип раба изображает Аристофан.

Однако и с историко-литературной точки зрения не безразлично знать, насколько изображенный писателем тип соответствует действительности, насколько он реален. Писатели древней аттической комедии — и Аристофан в этом отношении не составляет исключения — не очень много заботились о жизненности выводимых ими типов. Реальное, верное действительности изображение лиц, являвшихся представителями осмеиваемого ими направления, никогда не входило в их задачи. Выбирали ли они в качестве таковых какое-либо историческое, действительно существовавшее лицо, или вымышленное, им все равно необходимо было наделить его такими чертами, которые способны были сделать его комическим персонажем и заставить его служить особым целям поэта. Перед шаржем и карикатурой они не останавливались никогда, все равно, выводили ли они на подмостки Перикла, Сократа, Еврипида или какого-нибудь Дикееполя, Лисистрату, Праксагору и т. п. По большей части — это отвлеченные и более или менее удачно придуманные поэтами носители той или другой идеи. Вполне жизненные и человеческие типы, т. е. лица, обладающие известной суммой человеческих слабостей и качеств, вроде Стрепсиада, афинских граждан «Экклесiazус», рабов и т. п., очень часто тоже удаются им, но изображение таких лиц не составляет для них, как в комедии нравов, необходимой принадлежности их произведений. Как раз именно это обстоятельство, что такие типы, как рабы, являются у Аристофана не главными персонажами, какими они бывают часто в новой аттической комедии, а лишь второстепенными, — это обстоятельство и благоприятствует их реальному изображению: Аристофану не было надобности изображать их пристрастно, как, например, Клеона или Сократа; рабов он мог представлять такими, какими они казались ему в действительности. Можно установить градации исторической верности разных персонажей комедии: лица, не принадлежащие существенно действию пьесы, изображаются гораздо ближе к действительности, чем Клеоны, Сократы и т. п. Таким образом, относительно рабов у Аристофана уже имеется презумпция,

* Ввиду большого объема работы, по решению редколлегии, статья печатается со значительными сокращениями за счет филологических экскурсов и цитат из источников.

что выведенные им типы этого класса людей встречались и в действительности. Ввиду этого я старался проверить известиями из других источников, по возможности современной или близкой к Аристофану эпохи, реализм Аристофана в этом отношении.

Но так как древние авторы, в отличие от новых, иногда вынуждают исследователя останавливаться на разного рода экзегетических и критических вопросах, то мне приходилось нередко, отвлекаясь от основной темы, заниматься и этими вопросами, делая довольно обширные экскурсы в разные области.

Одним из таких критических вопросов является вопрос о том, кто из действующих лиц произносит ту или другую реплику, — вопрос, конечно, неизбежный при теме такого рода, как моя, так как для характеристики данного лица необходимо знать, какие речи ему принадлежат. Повидимому, с этой стороны у Аристофана, как и у других древних драматиков, никаких затруднений нет: во всех изданиях указано, кто произносит реплику. Но не так благополучно обстоит дело в действительности. Дело в том, что в рукописях в этом отношении нередко бывают разногласия: в одной рукописи бывает поставлена одна метка, в другой другая; приходится издателю решать вопрос самостоятельно. Но даже и в том случае, когда между рукописями нет разногласий, издатели иногда вопреки их общему свидетельству, изменяют метку лица на основании разных соображений. Почему это? Потому, что и метки в рукописях Аристофана и многочисленные указания схолиастов относительно лица, произносящего реплику, сделаны лишь по догадке позднейших греческих ученых или читателей, спустя много веков после жизни Аристофана. Благодаря находкам папирусов в Египте мы имеем ясное представление о виде книг, содержавших сочинения драматического характера. Так, например, в издании фрагментов комедий Менандра¹ использовано девять отрывков рукописей; они принадлежат частью папирусовым свиткам, частью пергаментным кодексам и относятся к I, II, III, IV, V, VI векам н. э. Во всех этих рукописях обозначения говорящих лиц, за редкими исключениями, нет; указывается только смена лиц, посредством знаков двоеточия и *παράρρησις*, причем двоеточие ставится перед началом новой реплики в середине стиха, а параграфа — под первыми буквами того стиха, в котором происходит смена говорящего лица. Какие именно лица говорят, догадываться об этом представляется читателю. Только в некоторых местах эти лица обозначены начальными буквами: это, повидимому, сделано читателями или учителями именно по догадке. Догадаться, правда, по большей части не трудно, но в некоторых случаях распределение ролей сомнительно: в «Плутосе», например, есть целые сцены, где говорящим лицом можно считать Хремила или Кариона. Такова была практика рукописей, как видим, в первые шесть столетий н. э. — обозначать только смену говорящих лиц, не называя их. Это заключение можно распространить и на все предшествующее время, и можно предположить, что в авторском экземпляре пьесы лица не были обозначены. Да, пожалуй, и не было надобности автору в этом: он сам принимал участие в постановке пьесы и вся режиссерская часть была у него в голове. Это заключение подтверждается по отношению к Аристофану свидетельством схолий: в них беспрестанно указывается, кто говорит реплику; если бы в тексте комедий имена говорящих лиц были обозначены, то такие указания были бы совершенно излишни. Притом в схолиях иногда прямо говорится, что в таком-то месте стоит двоеточие и параграфа: следовательно, автор схолии в своем экземпляре имел эти

¹ Menandrea ex papyris et membranis vetustissimis, ed. A. Koerte, Lips., 1910.

знаки без указания самих лиц. Это свидетельство схолий подтвердилось документально после находки в Египте (около 1882 г.) пергаментного листа из рукописи не позднее VI в. н. э., содержащего отрывок из комедии «Птицы» Аристофана: в этой рукописи смена говорящих лиц обозначается двоеточием и параграфой. Таким образом, надо думать, что заметки схолий режиссерского характера, равно как и расставленные в наших рукописях, сравнительно поздних, метки говорящих лиц все идут не от автора и даже не из современной автору эпохи, а поставлены по догадке более поздними учеными или учителями при обучении мальчиков выразительному чтению (καθ' ὑπόκριτον). Это иногда прямо видно из поставленного слова δῆθεν «очевидно» (в комментарии к «Облакам»).

Сказанное мной сейчас о говорящих лицах относится также и к заметкам схолий о действиях и жестах, которыми следует сопровождать слова текста, — об интонации, с какой должно произносить фразу, о репликах, произносимых в сторону, о приходе и уходе действующего лица, о перемене сцены и т. п. Все эти заметки (очень многочисленные) исходят не от автора и потому обязательного значения не имеют, а должны рассматриваться как догадки древних читателей и учителей, представляющие едва ли большую ценность, чем догадки современных ученых. Есть случаи, где сами схолиасты сомневаются — например, в примечании к Av., 435 сказано: «Писфетеру и Евелинду говорит Удод; а лучше — слугам, как и в следующих стихах». Sch. Plut., 895: «Карион, а по мнению некоторых, — Честный». Plut., 1091: «Хремил или слуга». Plut., 822: «с которым беседует либо Хремил, либо раб». А между тем для характеристики действующих лиц иногда нужно знать такие подробности, как, например, произносится ли фраза во всеуслышание или в сторону, присутствует ли лицо на сцене или нет, бьет ли господин раба или только грозит его побить¹.

Значение рабов в древней аттической комедии. В древней аттической комедии рабы не имеют еще того важного значения, какое они имеют в новой аттической комедии: их роль в древней комедии — самое большее — второстепенная, и то только в двух Аристофановых комедиях: «Лягушках» и «Плутосе». В остальных комедиях Аристофана их роль совершенно ничтожна. В «Ахарнянах» слуга Еврипида и слуга Ламаха произносят несколько реплик (396—402 и 959—965), не имеющих значения для характеристики рабов, а затем, в ст. 1003 и 1097 сл., присутствие слуги Дикеополя и слуги Ламаха подразумевается в качестве «немых лиц». Во «Всадниках» в числе действующих лиц являются три раба; но так как на самом деле это не рабы, а определенные лица — Демосфен, Пикий и Клеон, то они очень мало дают для характеристики рабов; напротив, большая часть индивидуальных черт их соответствует или должна соответствовать, по мысли автора, чертам этих лиц. В «Облаках» роль слуги Стрепсиада ограничивается двумя крошечными репликами (56 и 58), а затем (в 1485 сл.) слуга упоминается как «немое лицо». В «Осах» роли Сосия и Ксанфия, слуг Филоклеона, довольно значительны в начале пьесы, но ничего типично рабского не содержат. Немного материала дает и монолог Ксанфия в ст. 1292 сл. В «Мире» роли двух рабов Тригея в начале пьесы и в ст. 824—884 и 956—1126 тоже ничего характерного для рабов не содержат. В «Птицах» слуга произносит только одну бесцветную реплику (1589), а потом является как «немое лицо». В «Лисистрате» также коротка и бесцветна роль слуги в ст. 1216—1240. В «Фесмофориазусах» слуга Агафона тоже не произносит ничего типичного для раба (39—69). В «Экклезиазусах» тоже бесцветна роль служанки Праксагоры (1112—1148).

¹ См. В. К. Ериштедт, Порфириевские отрывки из аттической комедии, СПб., 1891, стр. 28—45 и стр. III; W. C. Rutherford, A chapter in the history of annotation (= Scholia Aristophanica, т. III, Л., 1905, стр. 97—156).

Только в двух комедиях — «Лягушках» и «Плутосе» роли слуг значительны и дают обильный материал для характеристики рабов. Из остальных комедий можно извлечь лишь ничтожные дополнения к этому материалу.

В настоящей статье я рассматриваю следующие вопросы: 1) о происхождении рабов, 2) об именах их, 3) о занятиях их, 4) о наказаниях рабов, 5) об отношениях рабов к господам.

Происхождение рабов. Комедии Аристофана дают указания на этническую принадлежность рабов и способ их приобретения. Так, в *Plut.*, 518 Бедность задает вопрос Хремилу: «Где ты будешь брать слуг?» Хремил на это отвечает: «Конечно, будем покупать на деньги». — «Но, по-первых, кто будет продавать их, когда и у него будут деньги?» — спрашивает Бедность. — «Какой-нибудь купец, желающий нажиться, приехав из Фессалии, где великое множество работорговцев», — отвечает Хремил. — «Но, прежде всего, не будет, конечно, даже и работорговца ни одного, судя по твоим словам. В самом деле, кто, владея богатством, захочет заниматься этим делом с опасностью для своей собственной жизни» — возражает Бедность.

Итак, одной из стран, снабжавших Афины рабами, была Фессалия, в которой было множество «андраподистов», т. е. людей, ловивших или свободных граждан, или рабов, и продававших их в рабство за границу. Было высказано предположение, что фессалийские «андраподисты» продавали пенестов или еще хуже поставленную часть старинного населения Фессалии; однако никаких указаний в источниках на то, что пенестов можно было продавать, нет: напротив, пенесты были не рабы, а лишь крепостные, подобно илотам прикрепленным к земле и сдававшиеся фессалийцам, по свидетельству историка Архемаха у Афеней (VI, 26'а), под условием не вывозить их из страны и не убивать¹. По, кажется, на основании слов Аристофана можно допустить выше указанное предположение: сказано, что это дело рискованное, следовательно, подразумевается не законная торговля обычными рабами из каких-нибудь северных местностей, которая, конечно, не представляла никакого риска, а именно похищение людей с целью продажи их в рабство; такое значение имеет слово *ἀνδραποδιστής* в классическом языке (позднее, например у Артемидора, IV, 14, оно могло означать и просто работорговца²). Схолиаст к *Plut.*, 521 определяет слово *ἀνδραποδιστής* так: «Не только тот, кто свободных людей обманом уводит в рабство, но и тот, кто уводит рабов от господ к себе с целью увести их в другое место и продать». Почти то же определение дано у Поллукса (3,78): «Тот, кто порабощает свободного или уводит чужого раба». Образчик андраподиста мы находим у Лисия (XIII, 67), где об одном из братьев Агората сказано, что он «увез из Афин в Коринф раба, а из Коринфа хотел увести девушку, но был пойман и окончил жизнь в тюрьме».

О каком же риске говорит Аристофан в словах *κινδυνεύων περὶ τῆς ψυχῆς*? Фишер³ в примечании к этому стиху предполагает, что здесь разумеется опасность подвергнуться смертной казни за *ἀνδραποδιστής*: нам известно, что в Афинах за это полагалась смертная казнь⁴. Отсюда Фишер заключает, что и в других государствах «андраподисты» подвергались тому же наказанию. Поллукс (3,78) также говорит о какой-то *δίκη κατὰ τὸν ἀνδραποδιστὴν ἐλευθεροπραξίου*, но не говорит, в чем состояла эта *δίκη* и в каких госу-

¹ B. Büchschütz, *Erwerb und Besitz im Griechischen Alterthume*, Halle, 1869, стр. 129, прим. 1.

² Там же, стр. 122.

³ Aristoph., *Plut.*, *Graece cum commentariis I. F. Fischeri*, Giesæ, 1804.

⁴ Xen., *Apol.*, 25; Lycurg. у Гарпократиона in v. *ἀνδραποδιστής*.

дарствах она применялась. Фробергер¹ в примечании к Lys., XIII, 67 также предполагает, что смертная казнь «андраподистам» полагалась не только в Афинах, но, вероятно, и в других государствах Греции, и упомянутый брат Агората был арестован и казнен в Коринфе. Таким образом, предположение о пенестах вполне возможно. Но схолиаст к нашему месту Плутоса дает более вероятное объяснение слов *κινδυνεύων* περί τῆς ψυχῆς: он видит тут намек только на опасность для разбойников-«андраподистов» со стороны сопротивляющихся им людей: «Грабители или других губят, или сами гибнут, когда бывают в меньшем числе, чем ограбляемые». Такая опасность была, конечно, при ловле как фессалийских пенестов, так и людей из соседнего с Фессалией населения.

Имена рабов. Некоторые имена рабов у Аристофана также указывают на место их происхождения. Так, главный герой «Всадников» назван Пафлагонцем; афинская полиция состояла из скифов: у Аристофана они упоминаются и действуют в «Лисистрате» и «Фесмофоризах». *Καρίων* в «Плутосе», вероятно, есть производное от *Κάρ*; в Av., 764 упоминается прямо раб-кариец (*εἰ δὲ δοῦλός ἐστι καὶ Κάρ*). Имена *Μίδα*ς и *Φρύγ*ς (Vesp., 433) указывают на фригийское происхождение их носителей. *Λυδός* в Av., 1244 (*πότερα Λυδὸν ἢ Φρύγα, ταῦτε λέγουσα, μωμολύττεσθαι δοχεῖς*), хотя и не называется прямо рабом, но это видно как из контекста, так и из Eur., Alc., 675, пародией которого является стих Аристофана и в котором к *Λυδὸν* καὶ *Φρύγα* приложен эпитет *ἀργυρώνητον*. Несколько раз встречающиеся в комедиях женские имена *Θράττα*² и *Σύρα* (Pac., 1146) также свидетельствуют о национальности этих рабынь. Другие имена, как *Μῦνῆς*³ (вероятно, сокращенная форма от *Μῦνδορος* — Av., 657), *Ξανθία*⁴, *Πυρρία* (Ran., 730), *Σωσία* (Vesp., 136), *Χρυσία* (Vesp., 1251), *Σίκων*, *Παρένων* (Ecc1., 868), *Υἱας* (Eq., 67), *Μασσυντία* (Vesp., 433), *Μανία* (женское имя к *Μανῆς*)⁵ — обычные «кликки» рабов, не указывающие на их происхождение.

Как обычны были в комедии имена рабов *Καρίων* и *Ξανθία*, видно из слов Эсхина (2,157): «Играющий роль Карионов и Ксанфиев». К этой фразе в схолиях есть такая заметка: «т. е. рабов: такими выводятся в комедии роли рабов: Ксанфий, Карион и некоторые другие». Имя *Σύρα* у Аристофана мы находим только один раз (*Σύρος* совсем не встречается), тогда как *Θράττα* — несколько раз. Может быть, это не случайность, а объясняется малым числом рабов из Сирии в эпоху Аристофана: Страбон по крайней мере говорит (XIV, стр. 669 = 570, 39 Didot), что деятельность киликийских пиратов и продажа людей из Сирии в рабство особенно усилилась со времени Трифона Диодота (II в. до н. э.)⁶.

Имя *Θράττα*, может быть, не всегда было этническим, т. е. не всегда обозначало рабыню из Фракии, но могло стать вообще рабским именем: эту возможность допускает схолиаст к Ach., 273: *τὴν Στρυμονίδου Θράτταν — ἥτοι κοινῶς δοῦλην, ἢ οὕτως καλούμενην, τὴν ἐκ Θράκης, ὡς τὴν ἀπὸ Φρυγίας καὶ Παφλαγονίας*. А в таком случае возможно, что и *Καρίων* перестало быть этническим, а обратилось вообще в *οἰκετικὸν ὄνομα* (schol. ad Ach., 243), независимо от происхождения раба.

Μῦνῆς было столь обычным рабским именем, что могло употребляться как нарицательное слово в смысле «раб» — Av., 523: *οὕτως ὁμᾶς πάντες*

¹ Ausgewählte Reden des Lysias, erklärt von H. Froberg, Lpz, 1866.

² Thesm., 280—293; Vesp., 828; Ach., 273; Pac., 1138.

³ Lys., 908; 1212; Av., 523; 1311; 1329; Pac., 1146.

⁴ Ran., passim; Nub., 1485; Av., 656; Ach., 243; 259.

⁵ Th., 728; 740; 754; Ran., 1345.

⁶ См. M. Lefronne, Fragments inédits d'anciens poètes grecs, в кн.: Aristoph., Comœdiæ et deperditorum fragmenta, P., Didot, 1884, стр. 17b.

πρότερον (μεγάλους ἀγίους τ' ἐνόμιζον) νῦν δ' ἀνδράποδοι, ἡλιθίους, Μανῆς; схолиаст: «К слову ἀνδράποδα он прибавил и рабское имя (Μανῆς), как если бы сказал „рабов“». Подобным образом у Горация (А. Р., 237) имя Davus употреблено в значении раба вообще: ut nihil intersit, Davusne loquatur, . . . an custos famulusque dei Silenus alumni.

Но само по себе имя Μανῆς — фригийское: по крайней мере о женской его форме Μανία это засвидетельствовано Махоном (Athen., 13,40 = стр. 578b): αἰσχρὸν γὰρ ὄνομα Φρυγιάκῳ γυναῖκι ἔχειν «чтоб женщина имела фригийское имя». Косвенным подтверждением этого может служить то, что некая Мания, занимавшая должность сатрапа у Фарпабаза, была дарданянка (Хсп., Hell., 3, 1, 10). По позднейшие греки производили имя Μανῆς от глагола μαίνεσθαι¹, однако такое производство неверно уже потому, что Μανῆς альфа долгая, тогда как в корне глагола μαν альфа короткая.

Имена Ξανθίας и Πυρρίας указывают на цвет волос: ξανθός «белокурый» и πυρρός «рыжий» (с красноватым оттенком). В схолиях к Рап., 730 сказано по поводу Πυρρίας и Ξανθίας: ὃν ὁ μὲν πυρρός ἦν τὴν κόμην, ὁ δὲ ξανθός, а в схолиях к Рап., 308: «Аристарх говорит, что Ксанфий о себе сказал слово ἐπυρρίσας, ибо он называется Ксанфием потому, что он πυρρός, подобно Πυρρίας и Σικρίνης». Из этой заметки видно, что цвета ξανθός и πυρρός очень близки между собой. Свидя объясняет ξανθός чрез πυρρός, а πυρρός чрез ξανθός.

Имя Μασούτιας также указывает на свойство: оно произведено от μάσσειν «жевать», так что буквально значит «жевака». В латинском языке оно получило форму Masucius, по поводу которого Фест говорит: Masucium edacem, а mandendo scilicet (Festus Pauli, 139), или Manducius, Mando².

Имя Χρυσός нигде больше не встречается, и поэтому Виламовиц предлагает изменить его в Κροῖς (Vesp., 1251)³. Эту конъектуру Старка принял в текст своего издания, предполагая здесь имя македонского (?) или лидийского раба. На мой взгляд, конъектура эта ненужная: по крайней мере древний комментатор (Ravennas) не был смущен таким именем, а заметил ὄνομα θεράποντος Χρυσός (по W. G. Rutherford, Scholia Aristoph.). Есть же имя гетеры Χρυσίον⁴ или Χρυσίς, Chrysis и т. п. Конъектура эта рискованна уже потому, что имена рабов всецело зависели от произвола хозяина: был же такой чудак, философ Диодор Кронос, который, в доказательство того, что слова в языке возникли θεοί, а не φύσις, дал своим рабам имена, составленные из частиц: одному Ἀλλὰ μὲν, другим — другие. Так отчего же не мог какой-нибудь хозяин дать своему рабу имя Χρυσός? Да и имена свободных давались не всегда по шаблону, как видно из монолога Стрепсиада в «Облаках», где он рассказывает, как они с женой придумывали имя для сына. Но, даже если Χρυσός, как имя, есть ἀπαξ εἰρημένον, то и это имеет столь же мало значения, как и нарицательное слово ἀπαξ εἰρημένον⁵.

¹ Eustath., 1220, 4: «Что в соответствии с глаголом μαίνεσθαι [назван] и раб Μανῆς — это ясно из древних [а: тогов]; это оттого, что рабы по большей части не разумны, особенно если они насыщены вином». Ср. W. G. Rutherford, Scholia Aristophanica in the Codex Ravennas, L., 1896, прим. к Schol. Av., 523, который тоже объясняет Μανῆς словом μαίνωδεις.

² The Wasps of Aristophanes, ed. W.J.M.Starkie, L., 1897, прим. к Vesp., 433.

³ U. Wilamowitz-Moellendorff, Aristoteles und Athen, II, B., 1893, стр. 176.

⁴ Schol. ad Thesm. 1172: «Ἐλάφιον, имя гетеры, как Χρυσίον, Ἀνδόνιον и т. п. (Rutherford).

⁵ Ср. прим. издателя к Athen., V, 50, ed I. Schweihäuser, т. III, Biponti, 1803, стр. 199.

Но у Аристофана нет ни одного Дава и Гета, столь обычных имен в позднейшей комедии: может быть, в век Аристофана из соответствующих этим именам местностей (около устьев Дуная) рабы еще не доставлялись в Афины; возможно также, что рабы из этих мест, соседних с Фракией, тогда привозились в Афины под общим именем фракийцев. И действительно, геты были или считались одним из фракийских племен; это видно, например, из фрагмента Менаандра (4,232, Meineke): «Все фракийцы, а из всех [их] наиболее мы, геты, не очень-то воздержны». А даи были ближайшими родственниками гетов, как видно из Ter., Phorm., 35, где Дав говорит: *amicus summus meus et popularis Geta heri ad me venit*. Имя даев было известно в IV в. до н. э. (RE in v. Dacia, т. IV, стб. 1949, 31), но для V в. сведений о них, повидимому, не имеется. Страбон (VII, стр. 304=252, 51 Didot), правда, говорит, что у аттиков ющия в употреблении имена рабов Γέται καὶ Δάοι, но это, вероятно, относится к более позднему периоду комедии. То же надо сказать и о заметке схолиаста к Ach., 243: «Бывают и в комедии рабы Ἐχθιάς, Τίβιος, Σωσίας, Δῶος, Γέτας». Имена Δῶος и Γέτας были, повидимому, особенно обычны у Менаандра: это можно заключить из одной фразы Галена: «Подобно выводимым Менаандром в комедиях рабам — Δάοις τε τιζι καὶ Γέταις...» (FCG, 4,333 = стр. 1037 ed. min). Это же видим мы и в найденных в Египте комедиях Менаандра, где действительно имя Δῶος находится в комедиях Ἐπιτρέποντες, Γεωργός, Περιχειρόμενη, Ἦρως и Περιῦθια, а имя Γέτας в комедиях Ἦρως, Περιῦθια и, кроме того, в прежде известном фрагменте комедии Μισοῦμενος (FCG, 4,170). Утверждают, что именно Менаандр ввел впервые имя Δῶος в литературу (RE, in v. Dacia, стб. 1949, 10). Мне кажется, что это предположение (очень может быть, вполне верное) основано все-таки на недоразумении. Повидимому, автор выводит его из цитированной мной выше фразы Галена, именно из слов: τοῖς ὑπὸ τοῦ βελτίστου Μενάνδρου κατὰ τὰς κομῳδίας εἰσαγομένοις οἰκέταις Δάοις τε τιζι καὶ Γέταις. Должно быть, автор понял эти слова в смысле «введенные в комедию Менаандром», тогда как на самом деле они значат «выводимые (т. е. употребляемые, выводимые) в комедиях». А это указывает лишь на то, что у Менаандра эти имена очень обычны, а не на то, что он впервые ввел их в литературу. Кроме того у Галена речь идет не об именах рабов, а о склонности Менаандровых рабов к обманам, а имена упомянуты только для примера. Косвенным доказательством (ex silentio) того, что имен Δῶος и Γέτας не было еще в средней комедии, может служить приведенное выше место из Эсхипа, где он упоминает Карионов и Ксанфиев как имена рабов в комедии, — конечно, современной ему, т. е. средней.

Надо думать, что и на имена рабов была своя мода.

Вообще говоря, имена рабов были короче, чем имена свободных. В то время как имена последних, по общему правилу, были сложные¹, имена рабов были несложными, и притом по большей части состояли из двух слогов, даже из одного². На этом основана шутка, приведенная у Афе-нея (XIV, 614c) из историка Филарха (современника Арата, умершего

¹ Впрочем, это правило допускало многочисленные исключения: вспомним Αἰσχύλος, Πλάτων, Κρίτων, Κριτίας, Σώλων, Κλεινίας, Ἀμυνίας, Τίμων, Χαρμίδης, Χρημύλος, Χρήμης и др. Ср. Th. Bergk, Griech. Literaturgeschichte, IV, B., 1887, 141, прим. 57.

² Поэтому Бергк считает неверным сообщение, приведенное в древней биографии Еврипида (Euripidis Tragoediae ex recensione A. Nauckii, t. I, Lips., 1909, стр. VII, стк. 90), будто Кефисофонт (Κηφισοφών), предполагаемый сотрудник Еврипида в сочинении трагедий, обивший у него жену, был раб. οἰχογενὴς μετράκιον. Впрочем, это правило тоже допускало исключения, например Μανδραγόρας у Аристофана.

в 215 г. до н. э.): Деметрий Полиоркет, любивший посмеяться (φιλόγελος), говорил, что двор Лисимаха ничем не отличается от комической сцены, потому что из него выходят все «двуслоговые» (δισύλλαβοι): это была насмешка над Бифием и Паридом, имевшими большое влияние у Лисимаха, и над некоторыми другими из его друзей. А от него, Деметрия, выходят Певкесты, Менелай и Оксифемиды. Смысл этой шутки тот, что при дворе Лисимаха находятся рабы, а при дворе Деметрия — благородные, поэтому двор Лисимаха похож на комическую сцену, а двор Деметрия — на трагическую. Есть даже пословица: «Всякий раб для хозяина односложен»¹.

Кроме перечисленных выше обычных имен рабов, у Аристофана в *Ran.*, 608 названы имена каких-то адских рабов: ὁ Διτύλας ὃς Σμερβύλας ὃς Παρδόκας. Схолиаст говорит, что это ὀνόματα τοῦτων βαρβάρων, т. е. полипейских: предполагается, что и в обители Гадеса есть скифы-полипейские. Стало быть, это какие-то скифские или вообще варварские имена (а может быть, и выдуманные Аристофаном). По поводу Παρδόκας Блейда (в критическом примечании к этому стиху²) высказывает довольно вероятное предположение, что это имя должно иметь форму Σπαρδόκας (как и написано в *codex Ven.*) или Σπαρδόκας (обе формы находятся в рукописях Фукидида, II, 101) и что это имя тождественно с латинским знаменитым Spartacus (в греч. форме Σπάρτακος или Σπάρτοκος).

Но возвратимся к вопросу о происхождении рабов. Вот страны, которые доставляли Афинам рабов в век Аристофана: Фессалия, Фракия, Кария, Пафлагония, Фригия, Лидия, Сирия. В надписи Dittenberger, I, стр. 73 (= Hicks, стр. 104), содержащей список рабов Кефисодора, одного из гермокопидов, рабов, продававшихся с аукционного торга, упомянуты три фракиянки, два фракийца, два сирийца, три карийца (один взрослый и два малолетних: Κάρ, Κάρ παῖς, Καρίων παιδίον), два иллирийца, один скиф, один колх, одна лидианка, мелиттиец (или мелиттиянка), т. е. те же национальности, что и у Аристофана, только с прибавкой иллирийцев, колха и мелиттийца (из Африки).

Как показывает вышеприведенное место из «Плутоса», рабы приобретались путем покупки. Дополнением к этому свидетельству служит место из «Всадников» (43—44), где сказано, что Демос «в прошлое новолуние купил раба — кожемяку Пафлагонца».

Очень важно для данного вопроса еще место из «Плутоса» (147—148), где Карион говорит о самом себе: «Я из-за малых деньжонок стал рабом, вследствие того, может быть, что я не был богат». Но, к сожалению, реальный смысл его неясен. Из этих слов можно заключить только, что Карион попал в рабство не путем насилия — вследствие ли войны или разбоя; нет, причиной его рабства является его собственная бедность в прежнее время, когда он был еще свободным, и притом взрослым (потому что у ребенка не может быть богатства): будучи раньше свободным, лаконически замечает схолиаст. Какая же могла быть причина того, что свободный человек вследствие бедности попал в рабство? Толкование Фишера (к этому стиху) несколько странно: «А я, чтобы получить немного денег, стал рабом вследствие того, что я не был столь же богат, как другие»³. Значит, Фишер предполагает со стороны Кариона добровольную продажу себя в рабство за ничтожную цену. Фишер даже и определяет ее в полмины, на основании известных нам общих цен рабов. Но такая продажа себя в рабство, прак-

¹ Animadversiones in Athenaei Deipnosophistas post I. Casaubonum conscripsit I. Schweighäuser, Argentorati, 1804.

² Aristoph., Comoediae, ed. Fr. H. M. Blaydes, pars VIII, Ranae, Halis Saxonum, 1889.

³ Aristoph., Plut. cum comment. J. F. Fischeri, Giesae, 1804.

тиковавшаяся в эпоху Гомера, повидимому, прекратилась после реформы Солона¹. Можно было бы думать, что Карион попал в рабство за долги, однако продажа несостоятельных должников в рабство в Аттике производилась лишь в эпоху до Солона и была отменена им². Но в других общинах Греции такой закон продолжал существовать, как видно, например, из слов Лисия (12, 98): «[Ваши дети], которые на чужбине за пустые, может быть, долги были бы рабами». То же у Исог., 14, 48. После Солона это право обращать свободного взрослого человека в рабство за неплатеж сохранялось лишь в двух случаях в Афинах: 1) если кто не уплачивал денег, затраченных другим на выкуп его из плена; 2) если метек не уплачивал подати *μετοίκιον*³. Таким образом, повидимому, необходимо согласиться с Левеном, который дает (в прим. к этому стиху «Плутоса») такое объяснение: «Вследствие того, что я не мог уплатить долгов (полагаю — государственной казне), я в наказание стал рабом и был продан за две или три мины». Такова была средняя цена раба, у которого не было каких-нибудь особенных физических или умственных достоинств. Если верно такое толкование, то Кариона надо считать греком, может быть даже афинянином, не уплатившим каких-то денег по одной из вышеуказанных причин.

Таких рабов из греков было мало сравнительно с числом рабов из варваров⁴. В конце V в., вероятно, значительно увеличилось число рабов греческого происхождения: продолжительная война доставляла афинянам в рабство много пленных эллинов, которые были прежде свободными гражданами в своих общинах; среди них могли быть люди культурные и знатные. Внутри Греции торговля рабами греческого происхождения всегда существовала, как видно из рассказов о судьбе лирика Филоксена и философа Федона. «Филоксен, сын Евлитиды, — рассказывает Свида (in v. Φιλόξενος), — кифериец, лирик... Когда Киферы (τὰ Κίθυρα) были порабощены афинянами [конъектура, вместо „лакедемонянами“], он был куплен неким Агесилаем и им воспитан, и прозывался „Муравей“». Это произошло в 89-ю Олимпиаду (в 424 г.), когда Филоксен был мальчиком около 11 лет. О Федоне Диоген Лаэртский сообщает (II, 5, 31 = стр. 40, 46 Didot): «Федона (элейца), который, попавши в плен, находился в публичном доме, Сократ велел Критону выкупить и сделал из него философа». Оба события относятся к эпохе Аристофана. Знаменитый киник Диоген также был продан с аукциона в рабство (Diog. Laert., VI, 2, § 74 = стр. 150, 25—26 Didot).

Если Карион — эллин, то можно, пожалуй, сделать и еще одну гипотезу: не предполагаются ли вообще рабы, играющие активную роль (говорящие) в комедиях Аристофана (и других авторов), — эллинского происхождения, или, если «варварского», то воспитанными с детства в эллинском доме? На эту гипотезу наводит меня то обстоятельство, что все рабы у Аристофана говорят чистейшим аттическим языком, знают прекрасно греческую жизнь и греческие обычаи. Странно было бы предположить со стороны, например, Аристофана такое пренебрежение к реализму, если бы у него иноплеменные рабы говорили не ломаным языком, как должны были говорить такие рабы в действительной жизни. На это, конечно, можно было бы возразить, что эстетическое чувство могло помешать ему вводить в комедию такой безобразный язык. Но это возражение

¹ См. В. В ü c h s e n s c h ü t z, ук. соч., стр. 116, где он критикует Валлона, предполагающего такую самопродажу на основании Plut., Sol., 13 и Athen., VI, 263 с; ср. L. V e a u c h e t, Histoire du droit privé de la république athénienne, P., 1897, стр. 413—414.

² L. V e a u c h e t, ук. соч., I, 414.

³ Там же, 414—415; 416—417.

⁴ В. В ü c h s e n s c h ü t z, ук. соч., стр. 116.

едва ли было бы основательно. Посмеяться над какими-нибудь особенностями речи раба-иностранца в комедии было бы выгодно; и мы, действительно, видим, что Аристофан не стесняется тем, что выводит в «Ахарниах» беотийца и мегарца, в «Лисистрате» спартанца, в «Мире» (47—48) ионийца — говорящими на родных наречиях; в «Фесмориазусах» скиф, государственный раб, говорит ломаным аттическим языком; в «Птицах» «варварский» бог Трибалл произносит то совсем псевдазучительные слова (1615: *αἰαῖσας τρεῖς*; 1629: *σαυνῆα βακταρχοῦσα*), то исковерканные греческие слова (ст. 1677); в «Ахарниах» Псевдартабас, царское око, также произносит одну фразу совсем непонятную (100: *ἰατράμην ἔταρξ' ἀναπιστόναι σάτρα*), другую на ломаном греческом языке (104: *οὐ λῆψι χρῶτο, χαυνο-πρωχτ' Ἰαοναῦ*).

Да и вообще Аристофан обращает большое внимание на язык своих персонажей. В «Лягушках», 679—682 он осмеивает демагога Клеофонта, «на болтливых губах которого странно щебечет фракийская ласточка, севши на варварский лист». Очевидно, здесь имеется намек на какой-то иностранный акцент в речи Клеофонта, происходившего от матери фракийки и отца, бывшего когда-то рабом в Афинах, «которого многие помнили в оковах» по словам оратора Эсхина (II, 76). В «Осах», 45 Аристофан воспроизводит картавую речь Алкивиада, не могущего произнести звука ρ: *ὁλῆξ; Θέωλος τῇ κεράλῃ κόλακος ἔχει*. Несколько раз упоминает он о неприятном голосе Клеона¹. В «Мире», 930 Тригей замечает, что слово οἰ употребленное хором, есть ионическое.

Наконец, на ту же чувствительность Аристофана к способу выражения указывает разница стилей, которые употребляют его персонажи: люди вроде Еврипида, Сократа говорят высоким стилем трагедии, оракулы выражены гомеровским языком. Множество пародий на язык трагиков и лириков у Аристофана указывает на то же стремление его использовать язык в качестве одного из элементов комизма².

Повидимому, и другие авторы древней комедии не отказывали себе в удовольствии позабавиться на счет лингвистических особенностей выводимых ими лиц: по крайней мере, в схолиях к Рап., 681, засвидетельствовано, что комик Платон в своей пьесе «Клеофонт» изобразил мать этого демагога, фракийку, говорящей с ним по-варварски. Комик Страттид насмехается над некоторыми словами беотийского наречия, отличавшимися от аттических, например *ὀρτάλιχος* в значении *ἄλεκτρον* «петух», *βέρουρα* в значении *γέφυρα* «мост» и т. д. (FCG, I, 784, fr. 3).

Этим эффектом не пренебрегала и средняя комедия: например у комика Евбула выведено лицо, говорящее по-беотийски (FCG, III, 208, fr. 10). Афеней (XIV, 15 = стр. 621d) со слов Сосибия сообщает, что у спартанцев была старинная забава представлять врача-иностранца³.

Однако такое осмеяние иностранного языка свойственно только комедии; в трагедии этого не бывает: тут и чужеземцы говорят обычным

¹ Eq., 137; Vesp., 1034; Pac., 757; Vesp., 36.

² Повидимому, и в потерянных комедиях Аристофана не было никаких особенностей в языке рабов: по крайней мере, в приписываемом Плутарху трактате «Сравнение Аристофана и Менандра», гл. I, 6 (стр. 853 D = 1039, 41, Didot) сказано (с порицанием), что речь Аристофана не приспособляется к выводимому лицу; как, например, она не дает царю величественность, оратору краспоречие, женщине простоту и т. д., но, как бы по жребию, она дает лицам какие попало слова, так что не разобрать, сын ли говорящее лицо или отец, или бог, или старуха, или герой. В такой общей форме это суждение неверно, как мы видели, но для нашей цели оно имеет значение: очевидно, и автор этого трактата не заметил никаких особенностей в речи рабов у Аристофана.

³ Cp. W. Süss, *Aristophanes und die Nachwelt*, Lpz, 1911, стр. 205.

языком трагедии. Это, конечно, было необходимо, чтобы не вносить в трагедию чуждого ей комического элемента¹.

Собранные мной факты дают, мне думается, право вывести заключение, что если Аристофан не заставляет своих рабов *ῥαῖζαριζαίν*, то он делает это потому, что представляет себе их говорящими по-аттически не хуже любого афинского гражданина. А это возможно было только при условии, если такие рабы или были природными эллинами, вроде Кариона, или, если они были варварского происхождения, то родились уже в Греции или были привезены в Грецию в раннем детстве и воспитаны с малолетства в ней, т. е., по греческой терминологии, если они были *οἰκογενεῖς* (или *οἰκοτριβέες*, *οἰκοτροφεῖς*). На этот же факт указывает то обстоятельство, что рабы в комедии знают все греческие обычаи, верят в греческих богов (например Рар., 338; 750; 845), знакомы с греческой мифологией (например Рл., 296; 302), вставляют в свои речи цитаты из греческих поэтов: Карион, например, раб бедняка Хремила, несколько раз употребляет поэтические выражения или даже целые стихи².

Ксанфий в «Лягушках» беседует с Заком об Эсхиле, Софокле и Еврипиде (Рар., 768; 778; 787); в ст. 778 реплика Ксанфия «и в него [Еврипида] не бросали камнями», и в ст. 787 — «как же Софокл не заявил прав на кресло?», и вообще весь его разговор с Заком в ст. 775—811 показывает, что Ксанфий вполне знаком с достоинствами и недостатками Эсхила, Софокла и Еврипида и первых двух ставит несравненно выше, чем последнего³.

Об образованности Ксанфия свидетельствует и Рар., 303: *ἔσσι δ' ὡπερ Ἡρόδοτος; ἦτις λέγειν ἐκ χαίρων γὰρ αὐτὸς αὐτὰν ὀρῶ*. Это стих из Еврипидова «Ореста» (Ор., 279). Если он, знал и помнил этот стих, почему он не мог знать стиха из Софоклова «Лаокоонта»?⁴.

¹ См. прим. издателя к Soph., El., 1326—1338, ed. G. Kaibel, Lpz, 1896, стр. 274—275.

² Plut., 8—10; 39; 635 — из Софоклова Финая, по схолиям; 661 — гомеровское выражение, употребленное также в Iph. Aul., 1602; 758—759; 806 — по Софоклову Иаху, как сказано в схолиях; 1127; 292 — из Киклопа Фллоксепа — дифирамба, по схолиям.

³ Имея в виду такое образование Ксанфия, надо рассмотреть спорный вопрос о том, можно ли считать Ксанфия произносящим в стихах 664—665 слова: *Πέσσειδον δὲ Αἰγύπτιον πρῶτος [ἔχεις], ἣ γλαυκὰς μέδεις ἄλως ἐν βίνυστιν*. В большей части рукописей и изданий слова эти приписываются Дионису. Но симметрия в распределении стихов между Дионисом и Ксанфием почти что требует, чтобы стихи эти произносились Ксанфием, как и указано в рукописи V меткой *ξαφν* и как сделал Левен в своем издании (Aristoph., Ranae, ed. J. van Leeuwen, Lugdunum Batavorum, 1896): Дионис произносит ст. 659, а ст. 664—665 вполне аналогичны стиху 659; естественно думать, что их произносит Ксанфий. Но главным препятствием к этому служило то, что Ксанфий считался слишком необразованным, чтобы произносить такую цитату из Софоклова Лаокоонта: Роджерс, например, так формулирует это возражение: «Nor would the literary abilities of the slave, which are only equal to the idea about the thorn soar to the height of the quotation and song» (Aristoph., Comedies, ed. B. Rogers, L., 1902). На основании того, что я сказал сейчас об образованности Ксанфия, это возражение должно отпасть, как совершенно голословное и не соответствующее характеристике Ксанфия у Аристофана, тем более, что и Карион представлен способным произносить цитаты из поэтов.

⁴ Между прочим, это место из «Лягушек» проливает свет на спорный вопрос о присутствии рабов на театральных представлениях. В. В. Латышев, Богослужбные и спелические древности³, стр. 292, говорит: «Относительно допущения рабов [в театр] нет вполне достоверных сведений». Alb. Müller, Lehrbuch der griechischen Bühnenalterthümer, Freiburg, 1886, стр. 292, выражается осторожнее: «Имеются следы того, что рабы были зрителями наряду со свободными, но нет возможности установить что-либо более точно». Однако уже указанное Мюллером в примечании место из Plaut., Gorg., 502 D, где речь идет о представлении трагедии в театре, называет рабов составной частью публики. Наше место из «Лягушек» несомненно предполагает, что Ксанфий присутствовал на представлении Еврипида

А такие рабы, как раб Еврипида в «Ахарниях» (395 сл.) или раб Агафона в «Фесмофоризах» (39 сл.), будто бы даже научились сами от своих ученых господ выражаться очень замысловато. В Ach., 401 Дикеополь говорит по этому поводу: «О трикрат счастлив ты, Еврипид, когда раб твой так умно отвечает!», а схолиаст замечает: «Под видом похвалы он обвиняет Еврипида в том, что он выводит в трагедиях рабов красноречивыми». Словом, в культурном отношении, как и в языке, не видно никакой разницы между рабами и свободными афинянами.

Может быть, в связи с таким изображением Аристофан дает действующим рабам и имена не по национальностям: такие имена, как: Μῖδας, Φρύξ, Θράξ, Σύρα, Λυδός, или только упоминаются, или принадлежат немым лицам; для грубой работы (для драки) призываются рабы с варварскими именами — Vesp., 433: Μῖδας, Φρύξ καὶ Μασοντίας; Ran. 608: Διτύλας καὶ Σκεβλύας ὡς Παρθόλας. А рабы, говорящие в пьесах, все носят имена не по национальности, как Ξανθίας, Σωσίας, которые вполне приложимы к эллинизированным рабам. Что касается имени Καρίων, то хотя оно происходит, повидимому, от слова Κάρι, но уже потеряло связь с ним по значению: по крайней мере схолиаст к Plat., Lach., 187 В, говорит, что «маленьких солдат (не сказано: „карийских“) некоторые называли Карioniами». Главный герой «Всадников», правда, носит имя «Пафлагонец», но, так как Аристофан выводит под этим псевдонимом Клеона, то, конечно, было бы невозможно заставлять Клеона говорить на ломаном языке.

Чтобы покончить с вопросом об образованности рабов, замечу, что характеристика рабов в этом отношении, данная Латышевым¹, а равно и другими учеными, слишком односторонняя. Латышев говорит так: «Уровень умственного и нравственного развития рабов вообще был очень низок, так как умственное образование и гимнастика были им запрещены». Такие типы рабов, как Карион и Ксанфия, опровергают эту огульную характеристику. Допустим некоторое преувеличение со стороны Аристофана, но все-таки нельзя думать, чтобы он приписал им качества, прямо противоположные действительности, и притом без всякой надобности².

Что именно такие рабы, родившиеся или воспитанные в Греции, греки ли по происхождению, или варвары, являются действующими лицами в драме, — это вполне естественно: они более культурны, более привязаны к дому, пользуются большим доверием господ. О таких рабах имеются некоторые сведения в литературе. Так, схолиаст к Eq., 2 говорит: «Мы, естественно, больше доверяем тем рабам, которые рождены и воспитаны в доме, чем приобретенным посредством покупки». Слуга в «Эдипаре» Софокла (1123), повидимому, с некоторой гордостью говорит о себе: «Я был рабом не купленным, но воспитанным дома». У Платона в «Меноне», 82 В, Сократ спрашивает Менона об одном из его слуг: «грек ли он и говорит ли по-гречески?» На это Менон отвечает: «Вполне: он родился в доме». И таких рабов, варваров по происхождению, но воспитанных с детства в греческом доме и усвоивших греческую культуру, повидимому, было не мало. Так, в одном фрагменте Антифана (FCG, 3,91)

«Ореста», когда актер Гегелох сделал такую смешную ошибку в произношении. Трудно допустить, чтобы Аристофан заставил Ксанфию говорить о том, чего он, как раб, не мог знать. Для эпохи Менандра есть указание в его комедии 'Επιτρέποντες, решающее этот вопрос тоже в положительном смысле. Там раб Сирикс говорит другому рабу, Даву: «ты видел представление трагедий, я уверен, и дальше упоминает о мифических царях Нелее и Пеллии, брошенных в детстве и найденных пастухами, — очевидно, и сам рассказчик видел трагедию такого содержания».

¹ В. В. Латышев, Государственные древности², стр. 201.

² Также у Еврипида большая часть рабов изображена симпатичными чертами.

раб говорит о себе: «В детстве я с сестрой прибыл сюда в Афины, привезенный одним купцом, а родом я—сириец». Также у Демосфена (53,19) речь идет о некоем Арефусии, который «(раба) Кердона воспитал с малолетства». А в фрагменте комика Феофила (FCG, 3,626) раб говорит: «Любимого господина, благодаря которому я увидел греческие обычаи, научился грамоте, был посвящен в таинства богов». Точно так же у Демосфена (45,72) оратор говорит о своем отце, трапезите Пасионе, что он купил Формиона «паучил грамоте и бавковскому делу» и вообще «сделал его эллином из варвара».

Повидимому, и у других народов рабы, рожденные дома, ставились выше, чем купленные. Так, в Риме пенились *vernae*¹. Боше, однако, считал, что, напротив, во времена классической древности, рабы, родившиеся в доме, были обыкновенно наименее ценными для хозяев и что одно из слов, служивших для обозначения их, *οἰκοτρίβες*, применялось в переносном смысле как выражение совершенно презрительное². Можно только подивиться филологическому легкомыслию Боше, так как нигде, насколько мне известно, слово *οἰκοτρίβ* не употребляется в переносном смысле: если он имел в виду выражение *φῶκοτρίβ* *Εὐριπίδης* в Arist., Thesm., 426 (единственное, кажется, подходящее место), то из него нельзя вывести никакого заключения, потому что совершенно неизвестно, что именно оно здесь означает и имеет ли оно отношение к слову *οἰκοτρίβ* в значении «раб», или оно совершенно независимо от этого слова составлено Аристофаном по аналогии с другими словами, сложенными с корнем *τρίβ*. Здесь *οἰκοτρίβ* скорее всего означает *ὁ οἶκος ἐνδοα-τρίβων* (Левеп³) или *ὁ ἐν οἴῳ διατρίβων* (Блейдз⁴) «домосед». Иллюстрацией к такому пониманию может служить Ran., 976—977, где Еврипид сам хвалится, что он научил сограждан «управлять хозяйством лучше, чем прежде». Таким образом, женщине, произносящей у Аристофана филиппику против Еврипида, не нравится, что Еврипид все сидит дома и за всем хозяйством наблюдает и учит этому других мужчин, от чего женщинам нельзя бесконтрольно распоряжаться маслом, мукой, вином (420) и т. д. Немного иное, но похожее по общему смыслу объяснение даст комментатор «Фесмофоризаус» Фриче: он понимает здесь *οἰκοτρίβ* в значении *verna*, и притом без презрительного оттенка: «Никто лучше выросшего в доме раба не знает, как следует управлять домашними делами. Так и Еврипид, словно выросший в доме раб, показал в трагедиях мужчинам искусство управлять домом»⁵.

Один из старинных комментаторов. Берглер⁶, понимает это слово в активном смысле — *ὁ ἐπιτρίβων τοὺς οἴκους* «губитель домов»⁷.

В буквальном смысле *οἰκοτρίβ* встречается, кажется, только один раз во всей греческой литературе классического периода — у Демосфена (XIII, 24): *ἐφόρους ἀνδρώπων, οἰκοτρίβων οἰκοτρίβας... ποιεῖσθαι πολίτας* — правда, с презрительным оттенком; но презрительный оттенок здесь социально-политического свойства: разумеются люди, несущие рабство уже в течение нескольких поколений, — так сказать, рабы в кубе. У Демосфена

¹ W. A. Becker, Gallus, oder Römische Scenen aus der Zeit Augusts, neu bearbeitet von H. Göll, III, B., 1882.

² L. Beauchet, ук. соч., т. II, стр. 404.

³ Aristoph., Thesm., ed. Ivan Leeuwen, Lugd. Batav., 1904.

⁴ Aristoph., Comoediae, ed. Fr. H. M. Blaydes, Pars I, Thesm., Halis Saxonum, 1880.

⁵ Arist., Thesm., ed. F. V. Fritzsche, Lpz, 1838.

⁶ См. изд. Aristoph. Comoediae emendatae a Ph. Invernizio, vol. VIII, curavit Guil. Dindorfius, Lpz, 1821.

⁷ Brunck переводит: *familiarum illa perniciēs*. Aristoph., Comoediae et deperditorum fragmenta, P., Didot, 1884.

нет никакого намерения указывать, что эти οἰκότριβες — худшие рабы в хозяйственном отношении, чем δοῦλοι или οἰκέται. В других случаях это слово попадает лишь в послеклассической литературе — у Плутарха, Элиана (VH, XII, 17 и 43), Посидония (в отрывке у Афения, V, 51 = стр. 213d) и др. Во всех этих местах οἰκότριψ или не имеет презрительного оттенка, означая просто раба, рожденного в доме, или, если можно предположить (но не обязательно) такой оттенок, то он будет не хозяйственного, а социально-политического свойства, как я уже заметил. Этот презрительный оттенок заключается в том, что человеку ставится в укор не только его личное положение раба (δοῦλος), но и его происхождение от рабов в одном или нескольких поколениях. Подобно тому, как быть βελτίων καὶ ἐκ βελτίωνων¹ для гражданина лучше, чем быть просто βελτίων и как, наоборот, быть πονηροὶ καὶ πονηρῶν (Aristoph., Ran., 731) хуже, чем быть просто πονηροί, так и быть δοῦλος καὶ ἐκ δοῦλων (Lys., XIII, 18; XIII, 64; Dem., XXII, 68) позорнее, чем быть просто δοῦλος, но только в социально-политическом отношении; в хозяйственном же отношении δοῦλοι καὶ ἐκ δοῦλων могли быть гораздо лучше, чем δοῦλοι в первом поколении. А οἰκότριβες не что иное, как синоним этого δοῦλοι καὶ ἐκ δοῦλων. Повидимому, на эту социально-политическую сторону и указывает определение, данное Фотием этому термину в его лексиконе: οἰκότριβες οἱ ἐκ δοῦλων δοῦλοι, οἱ καὶ οἰκογενεῖς λέγονται. ἐνομίζοντο δὲ τὸ παλαιὸν ἀτιμότεροι τῶν ὀνητῶν. ὅτι οἱ μὲν ἐκ δοῦλων, οἱ δ' ἐξ ἐλευθέρων ἐγένοντο, καὶ οἱ μὲν αἰεὶ δοῦλοι, οἱ δὲ ὕστερον. Здесь в слове ἀτιμότεροι содержится намек именно на социальный позор, бесчестье, а не на хозяйственную непригодность. Остальные лексикографы не делают различия между οἰκότριψ и οἰκογενής; только Фриних и Мирид считают οἰκότριψ специально аттическим словом. Вот несколько примеров. У Элиана в «Пестрой истории» (Ael., VH, 12, 17) речь идет о разных великих людях, любивших играть с детьми; в том числе упомянут философ Архит Тарентский, который, «... имевший много рабов, очень любил их детей и играл с οἰκότριβες» (нет никакого презрительного оттенка). Ael., VH, 12, 43: «Говорят, что Димитрий Фалерский был οἰκότριψ из дома Тимофея и Конона» (тоже). Некоторый презрительный оттенок можно усмотреть, пожалуй, в рассказе историка Посидония (Athen., V, 51 = стр. 213d), где говорится о некоем Афенионе, сыне свободного гражданина и египтянки-рабыни. Этот Афенион сделался одним из друзей царя Митридата и, прибыв в Афины, был принят с величайшим почетом и произнес там речь к народу против римлян. По поводу этой речи Посидоний говорит: πολλῶν οὖν καὶ ἄλλων τοιούτων λεχθέντων ὑπὸ τοῦ οἰκότριβος κτλ. Тут, пожалуй, есть какой-то презрительный привкус в этом слове — именно, что почет был оказан не свободному, а рабу; но презрительный оттенок (может быть, и меньший) был бы здесь и в слове δοῦλος, а назван он οἰκότριψ, а не δοῦλος потому, что он был рожден уже в доме рабом. Но о какой-либо большей негодности в хозяйственном отношении по сравнению его с δοῦλος, конечно, нет и речи.

Могло бы, пожалуй, служить препятствием для высказанной мною гипотезы об οἰκογενεῖς в комедии то обстоятельство, что, по мнению многих специалистов по этому вопросу, рабов, рожденных в доме, в Греции было мало. В доказательство этого указывают, что рабынь было сравнительно мало и что браки между рабами редко дозволялись господами. Такого мнения держатся, например Бюксеншютц (ук. соч., стр. 125), Трубецкой²; Куторга (Собр. соч., I, стр. 171) на основании изучения надписей говорит: «Из числа 600 до сих пор известных вольноотпущенных, упомя-

¹ Lys., X, 23; Dem., XXII, 68; XXII, 63; XVIII, 10.

² Е. Т р у б е ц к о й, Рабство в древней Греции, Ярославль, 1886, стр. 20—21.

нута только однажды, что дается свобода мужу с женою и с их малолетнею дочерью: все прочие безбрачны». Другие специалисты, например Беккер—Гёлль¹, Герман—Блюмнер², Шёманн—Липсиус³, напротив, указывают, что число таких рабов в Аттике было велико. В. В. Латышев говорит: «Афиняне охотно позволяли своим рабам заключать браки, с целью увеличения числа своих слуг, так как дети рабов делались рабами того же господина; дети свободного и рабыни также следовали званию матери»⁴. Некоторые места из Аристофана могут способствовать решению этого спорного вопроса.

Прежде всего, ученые, видящие причину малого числа рабов, рожденных в доме, в малом количестве браков между рабами, упускают из вида, что дети рождаются не только от мужа и жены, но и вообще от мужчины и женщины. А так как в каждом греческом доме были рабыни, то они могли производить детей и без брака, как от господина (своего или чужого), так и от рабов. Так, например, в Рас., 1138 хор, прославляя радости мира в сельской обстановке, в числе их упоминает и возможность целовать служанку Фратту, пока жена моется. Что дело не ограничивалось поцелуем, видно из другого места, Ach., 273, где Дикеополь тоже в числе радостей мира на лоне природы упоминает и о том, как приятно позабавиться с чужой рабыней, хорошенькой Фраттой. А в Escl., 721 Праксагора, устраивая новое, идеальное государство, находит нужным устранить рабынь от конкуренции со свободными женщинами относительно любви. У Еврипида тоже считается вполне естественной мысль о брачных отношениях пленной рабыни со своим господином. Так, в Troad.: 202—204 молодые троянки завидуют участи старой Гекубы в том отношении, что им придется выносить более тяжелые несчастья, чем ей, и на первом месте в числе этих несчастий они упоминают «ложе с эллинами» и проклинают «эту (будущую) ночь и судьбу». Впрочем, трудно сказать, какую эпоху имеет в виду Еврипид—современную ли ему или гомеровскую: в гомеровскую эпоху было обычным явлением, что пленница становилась наложницей победителя (Ср. Aesch., Sept., 363 сл.).

У Лисия в речи по поводу убийства Эратосфена жена Евфилета говорит ему, когда он велит ей идти к ребенку: «Это для того, чтобы тебе здесь заигрывать с нашей девчонкой: ты и раньше в пьяном виде приставал к ней» (Lys., I, 13).

Само собой разумеется, что Ксанфии и Фратты тоже не ограничивались одними взглядами друг на друга, даже если им брак и не был разрешен господами, хотя, как видно из вышеприведенного места, Праксагора находит брачные отношения между рабами вполне законными. В комедиях Менандра «брак рабов есть нечто само собой понятное»⁵. Так, в комедии «Πρὸς молодой раб Даос влюбляется в Плангону—рабыню (впрочем, мнимую), и господин дает согласие на их брак. Еврипид опять может доставить иллюстрацию: пленная Поликсена (Hes., 365) печалится, что раб оскорбит ее ложе, которое прежде считалось достойным царей. В одном отрывке комедии Феопомпа «Номея» раб Спинтер («Искра») зовет к себе рабыню Теолиту: «Старуха Теолита, старуха!» — «Что ты зовешь меня?» — «Чтоб полюбезничать с тобой, милая! Сюда, ко мне, к новому (молодому?) то-

¹ W. A. B e c k e r, Charicles, Bilder altgriechischer Sitte, bearbeitet von H. G ö l l, B., 1877, т. III, стр. 15—16.

² K. F. H e r m a n n, Lehrbuch der Griechischen Privatalterthümer³, umgearbeitet von H. B l ü m n e r, Freiburg — Tübingen, 1882, стр. 89, прим. 3.

³ G. F. S c h ö m a n n, Griechische Alterthümer⁴, neu bearbeitet von I. H. L i p s i u s, B., 1897, I, стр. 368.

⁴ В. В. Л а т ы ш е в, Государственные древности³, стр. 199.

⁵ U. W i l a m o w i t z - M o e l l e n d o r f u. B. N i e s e, Staat u. Gesellschaft der Griechen, B.—Lpz, 1910, стр. 189.

варищу по рабству! Вот так! хорошо» (она к нему подошла).— «Спиштер, нахал! ты заигрываешь со мной!» «Да, вроде этого» (CAF, I, стр. 741).

Не забудем, что и *πόρνοι*, от которых Праксагора видит также опасность для свободных женщин (Ecc1., 718), были рабыни и что дети, если какие рождались от них, также увеличивали кадры доморожденных рабов.

Число рабов. Как велико было число рабов в век Аристофана, неизвестно; Боше предполагает, что в V и IV вв. число их в Аттике было по меньшей мере 300 000 при 30 000 свободных граждан мужского пола¹. Эд. Мейер предполагает для V в. максимальное число рабов 150 000². Белох определяет число рабов в начале Пелопоннесской войны в 100 тыс., при 135 000 свободного населения³. Комедии Аристофана не дают точных сведений относительно этого. Но что число рабов было велико и значительно превышало число свободных граждан мужского пола, можно заключить уже из того, что даже такой бедняк, как Хремил в «Плутосе», имеет не одного раба, а нескольких: τῶν ἐρῶν ἄρ οἰκητῶν (мн. число!) πιστότατον ἤτοῦραι σε καὶ κλεπτίστατον (26—27); σταντήραι δ' οἱ θεράποντες (мн. число!) ἀρτιάζοντες χρυσούς (Pl., 816). У Вделиклеона в «Осах» (1; 2; 433,) по крайней мере пять человек прислуги: Ксанфий, Сосий, Мидас, Фрикс и Масинтий. Стрепсиад в «Облаках» (5 и 7) также говорит о своих слугах во множественном числе. Хор в «Мире», 1146 предполагает у деревенского жителя хотя бы двоих слуг: «Манеса пусть Сира позовет с поля». Безымянный гражданин в «Экклесиазусах», 867—868 имеет при себе тоже двоих слуг: οὐ δ', ὦ Σίχων καὶ Παρμένων... Даже у Диогена был раб, Манес, который, впрочем, от него убежал (Diog. Laert., VI, 2, § 55; Ael., VH, XIII, 28). Аристофан в Ecc1., 1133 насчитывает «граждан» (вероятно, только мужского пола) «более 3 мириад», т. е. более 30 тысяч.

Занятия рабов. Занятия рабов у Аристофана довольно однообразны: почти все они принадлежат к числу домашней прислуги; очень немногие, да и то не действующие, а только упоминаемые, являются земледельческими работниками. В «Фесмофориазусах» выведен государственный рабскиф. Совсем нет упоминания у Аристофана ни о рабах эргастерий, ни о рабах в рудниках, о которых имеются сведения из других источников.

Самый обычный тип раба в комедии — это слуга, *ἀκόλοῦθος*. По афинским понятиям о приличии, каждый сколько-нибудь состоятельный гражданин должен был выходить из дому в сопровождении раба. Так, Кинесий в «Лисистрате» идет на свидание с женой, оставившей его, и все-таки берет с собой Манеса (Lys., 908). Во время загородного путешествия раб также сопровождал господина и между прочим нес на себе его багаж; к этому типу относятся главные персонажи рабов у Аристофана — Ксанфий в «Лягушках» и Карион в «Плутосе». Писфетер и Евельпид в «Птицах» (656—657) тоже, отправившись искать по свету привольного места для житья, взяли с собой слуг Ксанфия и Манодора, которые тащат их багаж. Багаж бывал иногда довольно тяжел, и это подавало повод рабам на сцене жаловаться на тяжесть его, иногда с разными неприличными шутками, смешившими зрителей. Аристофан осуждает такие пошлые выходки, как недостойные истинного комизма (Ran., 1—34), хотя и сам не чуждается их, как замечает сходлиаст к Ran., 3.

Госпожу сопровождает служанка, поэтому и Мнесилох, переодетый женщиной, идя на праздник Фесмофорий, тоже ведет с собой Фратту (Thesm., 279—280; 293). Женщины, собравшиеся на этот праздник, также пришли

¹ L. Beauchet, ук. соч., II, стр. 398—399.

² Ed. Meyer, Forschungen zur alten Geschichte, II, Halle, 1899, стр. 188.

³ J. Beloeh, Die Bevölkerung der Griechisch-Römischen Welt, Lpz, 1886, стр. 99.

со своими служанками; одна из них, Мания, прислуживает тут своей госпоже (Thesm., 728; 740; 754).

Не иметь слугу считалось признаком крайней бедности: Праксагора, говоря в Escl., 593 о неравномерном распределении материальных благ между людьми, между прочим указывает и на то, что у одного много рабов, а у другого нет даже одного слуги. Подтверждением этой мысли может служить жалоба, высказываемая матерью малолетних детей в речи Лисия (XXII, 16) на то, что дед их, опекун, выгнал их из дому «в истрепанной одежде, разутыми, без слуги, без постели, без плащей, без обстановки»: тут отсутствие слуги упомянуто наряду с отсутствием самых необходимых предметов, как признак нищеты.

Из женской прислуги упоминаются у Аристофана еще *σῦρις* (Vesp., 768) — рабыня, родившаяся в доме, — женский эквивалент мужского *οἰχοῦρις*, и *χορμίστρια* (Es., 737), по толкованию схолиаста, камеристка, причесывавшая госпожу.

Ни о каких других специальных должностях рабов в комедиях не говорится; но в каждом доме предполагается привратник, к которому и обращается посетитель дома, стуча в дверь; например Стрепсиад, подойдя к дому Сократа, кричит: *παῖ, παιδίον* (Nub., 132). То же в ст. 1145: *παῖ, ἦρι, παῖ, παῖ*. Но у Сократа, повидимому, привратника не оказалось: при первом приходе Стрепсиада к нему вышел ученик, а при втором сам Сократ. Точно так же Дионис в «Лягушках» (37), придя к дому Геракла, зовет привратника: *παιδίον, παῖ, ἦρι, παῖ*, но на стук является сам Геракл.

Упоминается *ταμίης* — домоуправитель, тоже раб, но которому господин поручал заведывание хозяйством и право распоряжаться другими слугами. Таким лабимцем хозяина и неограниченным властителем над рабами представлен Пафлагонец, т. е. Клеон, во «Всадниках»; ему вручена господином печать, которую потом он требует от него обратно: «А теперь отдай мне перстень, так как ты больше не будешь заведывать моим хозяйством» (947). Такой же управляющий разумеется в Vesp., 613: «И если мне не надо будет смотреть на тебя и на домоуправителя, когда он подаст завтрак, проклиная и ворча».

Наказания рабов. О наказаниях за проступки рабы у Аристофана всегда помнят. Повидимому, господа никогда не довольствовались словесным выговором, даже за пустячный проступок, а немедленно переходили от слов к тому, что следует за этим». Так в «Облаках» (56 сл.) слуга докладывает Стрепсиаду, что в лампочке нет масла. Хозяин сейчас же грозит ему побоями (не бьет, правда): «Подойди сюда, чтобы ты плакал (= я побью тебя)». — «Почему же я буду плакать (= за что же меня бить)?» — «За то, что ты вставил толстый фитиль». Простые побои были, очевидно, самым обычным наказанием; о них постоянно упоминают и господа и рабы. Так, в начале «Ос» (3) Сосий говорит своему брату Ксанфию, который заснул было на карауле: «значит, ты должен уплатить своим бокам какое-то большое зло». В этом месте слово «зло» есть, так сказать, евфемизм вместо слова «побои». Но в Pl., 21 Карион употребляет прямо глагол «бить»: «ведь не станешь же ты меня бить, когда на мне венок», а в ст. 1144 — существительное «побои, удары», вспоминая с Гермесом о прежних временах: «ведь ты не получал столько ударов, как я, когда я попадался в каком-нибудь мошенничестве». В Ran., 812 Эак, разговаривая с Ксанфием, предлагает ему уйти от господ с глаз долой, потому что, когда господа бывают заняты серьезными делами, то рабам плакать приходится. В Vesp., 440 Филоклеон в образных выражениях вспоминает, как он научил рабов «лить четыре (котилы) слез в хиник». Тот же Филоклеон (Vesp., 449) напоминает одному из держащих его рабов (комически, как будто о великом благодеянии) о том, как он, заставши

его однажды во время кражи винограда, подвел его к маслине и «хорошо, по-молодецки выпорол (спустил с него шкуру), так что всем завидно стало». Буйство подвыпившего Филоклеона испытал на себе раб Сосий, который рассказывает (1292 сл.), что он «погиб, расписанный палкой», потому что господин «стал бить его по-молодецки» (1307); поэтому Сосий завидует счастью черепахи, у которой спина защищена от ударов ее панцирем (1292). Битье было таким неотъемлемым признаком рабства, что, по мнению корифея хора в *Vesp.*, 1297, следует называть словом *παῖς* всякого, кто получает побои, хотя бы он был стариком: *παῖς* тут производится от глагола *παῖσθαι*.

Били рабов не только хозяева, но и поставленные ими управляющие (*ἐπίτροποι*). Такой случай представлен Аристофаном в комедии «Всадники» (5), где выведенный под видом раба Демосфен жалуется на Пафлагонца (т. е. Клеона), что с тех пор, как он втерся в дом он постоянно наделяет побоями слуг.

Кроме простого битья (повидимому, руками или плетью: отсюда выражение *μαστιγίας*), рабы подвергались и более мучительным и длительным наказаниям: были особые орудия для таких наказаний. Из них упоминаются у Аристофана следующие: *χοῖνικας καὶ πέδας* (для ног — *Plut.*, 276), *τροχός* (*Plut.*, 875; *Rac.*, 452; *Lys.*, 846). В *Ran.*, 618 Ксанфий перечисляет целый арсенал разного рода пыток: «Привязав к лестнице, подвесив, нанося удары щетинистой плетью, сдирая кожу...» и др.

К числу наказаний можно, пожалуй, отнести клеймение беглых рабов. Об этом есть упоминание у Аристофана *Av.*, 760. Клеймо ставилось на разных частях тела, например на лбу, как указывает схолиаст к Эсхиновой речи *περὶ παραπρεσβείας*, 79. В фрагменте комедии Дифила «Любопытный» (*FCG*, IV, 407) есть рассказ об одном рыбном торговце, носившем длинные волосы, потому будто бы, что он посвятил их богу. Но рассказчик находит, что причина длинных волос другая: у торговца есть клеймо, и он имеет длинные волосы как прикрытие перед лбом (очевидно, спустя их на лоб)¹.

К чести Аристофана надо сказать, что в его комедиях нигде или почти нигде наказание рабов не производится на сцене: или господин только грозит рабу наказанием, или о нем лишь упоминается; вероятно, тут проявляется то же эстетическое чувство эллина, которое препятствовало представлять на трагической сцене акт смерти или убийства. Из слов самого Аристофана видно, что он не любил таких пошлых эффектов (*Nub.*, 537; *Vesp.*, 57; *Ran.*, 1): перечисляя в парабазе «Облаков» подобные приемы, к которым прибегали другие комики и которых чуждался он сам, он упоминает и битье на сцене (*Nub.*, 541). Думаю, что и битье рабов Аристофан считал одной из принадлежностей «пошлой комедии» (*Vesp.*, 66), которую он осуждал.

В *Nub.*, 58 Стрепсиад грозит слуге побоями за то, что он вставил в лампочку толстый фитиль, но, повидимому, не приводит в исполнение свою угрозу. В переводе В. Алексеева², впрочем, после слов ст. 58 «поди сюда! вот тебе» сделана ремарка «бьет раба». Думаю, что это неверно: тогда непонятно было бы будущее *κλαύσονται* в следующем ответе раба: *δὲ τί δῖτα κλαύσονται*, и Алексеев вынужден перевести его настоящим: «За что ты бьешь меня?». Вернее понимает ход действия Левен³ ставя после ст. 59 ремарку: *servus se proripit cum lucerna et tabellis: раб*

¹ См. В. Büchschenschütz, ук. соч., стр. 159, прим. 2 и M. Letronne, ук. соч., стр. 18.

² Аристофан, Облака, пер. В. Алексеева, СПб, (1894).

³ Aristoph., Nubes, ed. J. van Leeuwen. Lugd. Batav., 1898.

убегает, очевидно, не подойдя к Стрепсиаду. То же в переводе Дройзена¹: «Knecht läuft hinaus», и в переводе Деле: «Le serviteur rentre avec la lampe»². Старки³ (в своем издании «Облаков») при словах $\delta\iota\alpha\ \tau\acute{\iota}\ \delta\eta\tau\alpha\ \chi\lambda\alpha\upsilon\sigma\omicron\mu\alpha\iota$ делает ремарку «imprudently»: если раб произносит эти слова бесстыдно, нагло, то, конечно, он не подойдет сам для получения оплеухи. В самом тексте нет указания, чтобы раб вскрикнул что-нибудь в роде $\sigma\acute{\iota}\rho\alpha\iota$, как вскрикивает Кудоиρός в Рас., 257, или вообще реагировал бы как-нибудь на битье. Не надо забывать, что Стрепсиад лежит на койке и поэтому не может ударить слугу, если тот не подойдет. Схолиаст замечает: «Он подзывает слугу ближе к койке, на которой он лежал, угрожая, что будет бить его».

Равным образом, наказание раба едва ли производится на сцене в Av., 1329. По словам схолиаста, Писфетер, произнося реплику $\text{Μαν}\eta\varsigma\ \gamma\acute{\alpha}\rho\ \epsilon\sigma\tau\iota\ \delta\epsilon\iota\lambda\omicron\varsigma$, бьет при этом Манеса. Однако ход действия такой. В ст. 1311 Писфетер приказывает Манесу принести корзину с крыльями (или с перьями) из какого-то здания ($\theta\upsilon\delta\alpha\zeta\epsilon$); Манес медлит; в ст. 1317 Писфетер торопит его ($\theta\acute{\alpha}\lambda\tau\tau\omicron\nu\ \phi\acute{\epsilon}\rho\epsilon\iota\nu\ \chi\epsilon\iota\lambda\epsilon\omega\nu$), но он все-таки не является; Писфетер опять ему кричит (надо думать, в здание), приказывая торопиться (1323—1324). В дело вступается корифей хора (1325) и велит тому же Манесу ($\tau\iota\varsigma$) принести поскорее корзину с крыльями, а Писфетеру советуют войти в здание и побудить Манеса побоями, показывая жестом, как надо его бить. Писфетер принимает совет и произносит слова $\text{Μαν}\eta\varsigma\ \gamma\acute{\alpha}\rho\ \epsilon\sigma\tau\iota\ \delta\epsilon\iota\lambda\omicron\varsigma$ в подтверждение ($\gamma\acute{\alpha}\rho$) того, что он заслуживает наказания, и так как Манеса нет на сцене, то, очевидно, Писфетер входит в здание и там уже (т. е. за сценой) наказывает медлительного слугу. А может быть, даже дело не доходит до наказания, а Манес, «услышав эти слова, опасаясь побоев, выносит корзину, с крыльями» (Боте⁴). Левен⁵ представляет ход действия так: после ст. 1316 «раб Манодор приносит корзину, полную перьев»; после ст. 1316, «положив корзину, раб снова входит в здание, затем уходит»; после ст. 1334 «раб приносит третью корзину»; после ст. 1336 «раб получает побои, затем убегает». Но, может быть, судя по будущему $\sigma\acute{\upsilon}\ \tau\omicron\iota\ldots\ \epsilon\tau\iota\ \sigma\acute{\upsilon}\ \sigma\chi\acute{\iota}\sigma\tau\omicron\alpha\iota$, и тут дело не доходит до побоев, а Манес убегает: «Вследствие того, что тот медлит принести корзину, он хочет наказать его или в самом деле наказывает» (Бек). Схолиаст, впрочем, дважды (п к ст. 1329 и к ст. 1335) замечает, что Писфетер бьет Манеса.

Единственное несомненное исключение представляет сцена в Рас., 255—257, где $\text{Π\acute{o}\lambda}\epsilon\mu\omicron\varsigma$ бьет кулаком своего слугу Кудоиρός, но это — аллегорические фигуры, олицетворяющие именно насилие, и потому в счет не идут.

У Еврипида также битье рабов не производится на глазах зрителей; дело ограничивается угрозами. Так в Ion., 666 Ксуф грозит смертью хору, состоящему из рабынь, если они передадут его жене Креузе его разговор с Ионом. Однако женщины скоро доносят своей госпоже Креузе обо всем происшедшем, не боясь угрозы (760). В Iph. T. 1431 Фоант объявляет хору, состоящему из женщин, что он их накажет, когда у него будет свободное время, за то, что они скрыли от него злой умысел Ифигении и ее соучастников Ореста и Пилада. Но так как эта угроза высказана в самом конце пьесы, то она и не приводится в исполнение. В Cycl., 210

¹ Des Aristoph. Werke, übersetzt von J. G. Droysen, Lpz., 1871.

² Aristoph., I, Texte établi par V. Coulon et traduit par H. Daele, P., 1923.

³ The Clouds of Aristophanes, ed. W. J. M. Starkie, L., 1911

⁴ Aristoph., Comœdiæ ed. F. H. Bothe, t. I, Lpz., 1858.

⁵ Aristoph., Aves, ed. J. Leeuwen, Lugd. Batav., 1902.

Полифем грозит сатирам палкой, но все-таки не бьет их. Наконец, в *Iph. Aut.*, 311 старому слуге Клитемнестры, несущему письмо к ней от Агамемнона, Менелай грозит окровавить голову жезлом, если он не отдаст ему письма. Старик противится, и Менелай отнимает у него письмо, но все-таки не приводит угрозу в действие, как видно из дальнейших слов старика, жалующегося Агамемнону лишь на то, что Менелай вырвал силой у него письмо (314—315). Таким образом, Еврипид руководился тем же эстетическим чувством, что и Аристофан.

В общем, как нам известно и из других источников, обращение господ с рабами в Афинах было мягким сравнительно с другими греческими общинами, особенно со Спартой, или с Римом. Нигде у Аристофана нет упоминания о ссылке на мельницу (это есть у Лисия в I речи) или о распятии на кресте, о чем часто упоминается в латинской комедии.

Все пьесы Аристофана, кроме «Экклезиастус» и «Плутоса», написаны в эпоху Пелопоннесской войны. Во время нашествий спартанцев в Аттику рабам представлялась особенно легкая возможность перебежать к неприятелю; по словам Фукидида (VII, 27, 5), после занятия Декелеи более 20 000 рабов убежало к спартамцам. Это происходило, повидимому, и в более ранние годы войны при кратковременных нашествиях неприятеля: указания на это имеются в комедиях Аристофана. Так, в *Eq.*, 20—29 и 73 рабы, обдумывая, как бы им избавиться от хозяина своего Демоса, лучшим способом считают перебежать, и только боязнь попасться останавливает их от этого намерения. В *Pas.*, 451 хор также предусматривает это обстоятельство: *δοῦλος αὐτομολεῖν παρεσκευασμένος*. Наконец, в *Nub.*, 7 Стрепсиад проклиная войну за то, что она лишила его возможности наказывать слуг. Комментаторы объясняют эти слова тем, что во время войны хозяева были вынуждены смягчить свое обращение с рабами, из боязни побега к спартамцам. Так, схолиаст замечает: «Итак, афиняне не хотели наказывать рабов за провинности, боясь, как бы те не перебежали к лакедемонянам».

Отношение рабов к господам. Если все греки того времени считали рабство необходимым и вполне естественным установлением, то нет ничего удивительного, что и Аристофан держался того же мнения. Он был не философ и не задавался вопросом о природе раба; но во всяком случае по его изображению рабов в комедиях можно заключить, что он не считал раба лишь «одушевленным орудием», а видел в нем самого обыкновенного человека — нельзя сказать даже скверного, низшего; напротив, рабы у него изображены довольно симпатичными чертами; у них есть достоинства, которых иногда нет у их господ. Недостатки их в изображении Аристофана скорее смешны, чем преступны.

Рассмотрим свойства двух рабов, играющих самую большую роль, Кариона в «Плутосе» и Ксанфия в «Лягушках».

Какие у них дурные стороны? Пожалуй, главной смешной чертой Кариона выставлена его любовь к еде; о ней он никогда не забывает. В ст. 187—192 Хремил и Карион перечисляют разные предметы, которыми человек наконец пресыщается, в противоположность к деньгам, которыми никто никогда не бывает насыщен. При этом Хремил называет предметы отвлеченные: любовь, музыку, почет, добродетель, честолюбие, должность стратега; а Карион называет разные съедобные вещи: хлеб печеный, десерт, пироги, винные ягоды, тесто, чечевицу. На эту черту обратил внимание и схолиаст: «Обрати внимание на то, что господин говорит о предметах, подходящих для него, а раб — о предметах, полезных для него».

В другой схолии сказано еще яснее: «Раб говорит о том, что имеет отношение к желудку, вплетая это ради забавы, свойственной комедиям, в серьезные речи господина». Карион, приведя земледельцев, за которыми посылал его Хремил, говорит им: «Я пойду и потихоньку

от хозяина возьму хлеба и мяса и буду жевать во время этого дела (т. е. заботы относительно исцеления Плутоса)» (320—321). В святилище Асклепия, куда Хремил и Карион привели слепого Плутоса для исцеления, ночью Карион заметил, что у одной старухи из числа пациентов этого бога есть горшок с кашей (принесенный ею в дар богу). «Я не мог уснуть, — рассказывает он (672), — меня сводил с ума горшок с кашей, стоявший неподалеку от головы какой-то старушонки, к которому мне ужасно хотелось подползти». И Карион исполнил свое намерение: присвистал и схватил зубами ее руку, как будто священная змея. Она сейчас же в страхе отдернула руку, и Карион наелся каши досыта.

Ксаифий в «Лягушках» также не прочь вкусно покушать. Странствуя с Дионисом в присподней, он почуял запах жареных поросят, — очевидно, принесенных в жертву мистами, составляющими хор этой комедии. Он благоговейно восклицает (337 сл.): «о, владычица, многочисленная дочь Деметры! как вкусно на меня пахнуло поросычьим мясом!»

В Рас., 14 слуга, мяса тесто из навоза разных сортов для огромного жука, на котором Тригей собирается лететь к Зевсу на небо, находит ту хорошую сторону в этом скверном занятии, что никто не скажет, будто он ест это тесто. К этому стиху схолиаст замечает: «Обыкновенно, мяса тесто, едят», и прибавляет, ссылаясь на один стих из потерянной комедии Аристофана *Ἦρως*, что в предупреждение возможности есть тесто был придуман особый снаряд — *κασιχάκη*, имевший вид круга, который надевали рабу на шею, чтобы он не мог поднести руку ко рту. Даже одно из рабских имен, *Μασούτιας* (Vesp., 433), происходит от *μασάζειν* «жевать».

Таким же любителем еды изображается и Гермес, который у Аристофана является просто слугой богов. В Рас., 191 сл. Гермес, встретивший явившегося на небо Тригея очень недружелюбно, мгновенно припимает ласковый тон, как только Тригей ему подносит мясо. Это отметил и схолиаст: «Он говорит это Гермесу, как лакомке». Таким же Гермес представлен и в «Плутосе» (1136 сл.), где он просит Кариона, как своего собрата, дать ему хорошо испеченного хлеба и здоровый кусок мяса.

Но замечательно, что в склонности к пьянству рабов не обвиняют. Правда, в Eq. 85 и сл. Демосфен и Никий, выведенные под видом рабов, пьют вино, и Демосфен произносит панегирик вину: но, так как он на самом деле не раб, то это нельзя считать характерной чертой рабов в изображении Аристофана. В Vesp. 80 Сосий одобряет *τοὺς φιλοπότας*, находя, что «эта болезнь свойственна хорошим людям», и схолиаст по поводу этого замечает: «Как пьяница, раб хвалит пьянство». Но восхваление вина встречается часто в греческой литературе и не доказывает еще, что авторы таких восхвалений были пьяницы. Роджерс¹, судя по его ремаркам к Vesp. 8—9 «producing a wine-flask» и «producing another», предполагает, что рабы в «Осах» пьют вино. Но такое мнение не имеет основания в словах текста, — в Pl. 644 Карион, принеся госпоже добрую весть об исцелении Плутоса, просит ее скорее принести вина: «Скорей, скорей неси вина, барыня!», по поводу чего схолиаст замечает: «Когда приходило известие, был обычай пить вино». Но Карион при этом говорит хозяйке колкость: «Чтобы и самой тебе выпить, ты очень любишь это делать»: женщины у Аристофана представляются любительницами выпивки. Подобную же колкость Карион говорит и в ст. 737, рассказывая о быстроте исцеления Плутоса: «ты не успела бы, госпожа, выпить 10 котил вина, как Плутос уже стоял зрячим». Это — очень большое количество: 10 котил = $2\frac{3}{4}$ литра, т. е. без малого три

¹ Aristoph., Comedies ed. B. Rogers, L., 1902.

шампанских бутылки. И относительно этого правильно говорит схолиаст: «Как если бы он сказал: „не успела бы ты сказать пяти слов“ или „плюнуть не успела бы ты...“ Он насмехается над женщинами, как склонными к пьянству».

Но ведь осмеивать женщин «как склонных к пьянству» может лишь тот, кто сам непричастен этой страсти. И замечательно, что оба раза хозяйка не делает ему обратного упрека в том, что он и сам не прочь выпить. Стало быть, этот порок не был характерным для рабов. — В Рас. 537 (δοῦλος μεθύοιστος) подвыпившая служанка представляется как один из признаков благоденствия во время мира, именно изобилия пиршества, как замечает схолиаст: «Изобилие пиршества, раз уже и рабыни пьяны»¹. — Как бы то ни было, у Аристофана нигде не выводятся на сцену пьяные люди вообще и пьяные рабы в частности: должно быть, это ему казалось пошлым; но другие комики не гнушались этим эффектом: на это указывает Аристофан в Nub. 555, где он, браня Евполида, ставит ему в упрек и то, что он вывел в своей комедии «Марикас» пьяную старуху, которая плясала кордак. У Эпихарма и в новой аттической комедии также пьяные выводились, но большей части, рабы, как об этом свидетельствует и Дион Христомом (Ог. 32 = т. I, стр. 423, 17 Dind.): «В комедиях и маскарадах выводятся пьяными Кариона и Дава, не очень возбуждают смех»².

Рабам часто приписывается склонность к воровству — конечно, мелкому. На этот порок указывает уже приведенное выше место Рас., 14. Есть и другие места на эту тему. Хремил в Plut., 27 говорит Кариону, что считает его самым верным из своих слуг, но тут же комически прибавляет неожиданно: «и самым вороватым» (καὶ κλεψίστατος). Схолиаст правильно замечает: «Следовало бы сказать так: „Я считаю тебя вернейшим и преданнейшим“, — а он против ожидания сказал „воровитейшим“. Ведь рабы всегда тащат вещи господ». Гермес в Plut., 1139, упрекая Кариона в неблагодарности к нему, Гермесу, напоминает ему о его прежних проделках: «а между тем, когда ты воровал у хозяина какую-нибудь посудинку, я всегда делал так, чтобы ты не попался». Филоклеон в приведенном выше месте Vesp., 449 также напоминает держащему его рабу о том, как он воровал виноград.

Аристофан подсмеивается и над мелкими пороками рабов. Так, в Pl., 821 Карион, только что начавший жить в богатстве, уже оказывается таким нежным, что не может выносить жертвенного дыма, тогда как барин может: «Господин с венком на голове в доме приносит в жертву свинью, козла и барана; а меня выгнал дым: я не мог оставаться в доме: дым ел мне глаза». Схолиаст замечает: «Перемена во всем: господин выносит дым, а раб — нет».

Больше характерных черт рабских пороков представляет Ксанфий в «Лягушках». По определению своего хозяина Диониса, он — *κακώτερος*. Это — слово с очень растяжимым значением, в роде нашего «мошенник»; здесь, повидимому, с оттенком низости, подлости (Роджерс переводит: «for there's no man baser»). По словам схолиаста (к Рап. 35) это — довольно сильное ругательство.

Большой интерес представляет разговор Ксанфия с его адским собратом Эаком (737 сл.), самый древний образчик разговоров между рабами не как исполнителями воли своих господ или потешающими публику, но как членами определенного класса, говорящими о своих собственных чувствах, о том, что им самим нравится или не нравится.

¹ W. G. Rutherford, Scholia Aristophanica in the Codex Ravennas, L., 1896.

² Th. Bergk, Griech. Literaturgeschichte, IV, B., 1887, стр. 176 и прим. 8.

Эак. «Клянусь спасителем Зевсом, твой барин — благородный!» — Ксанфий. «Еще бы не благородный, когда он умеет только пить да с бабами забавляться!» — Э. «Как это он не побил тебя, когда обнаружилось, что ты, раб, выдавал себя за господина?» — Кс. «Досталось бы ему!» — Э. «Вот это сейчас ты сделал, как следует настоящему рабу; это то, что я люблю делать». — Кс. «Любишь? скажи на милость!» — Э. «Нет! Это для меня верх блаженства, я на седьмом небе себя чувствую, когда и потихоньку шлю проклятия барину». — Кс. «А любишь ворчать, когда тебя здорово побьют, и ты уходишь вон?» — Э. «И это люблю». — Кс. «А всюду нос совать?» — Э. «Лучше этого ничего нет на свете!» — Кс. «Зевс, покровитель братства! А подслушивать, что господа болтают?» — Э. «Люблю до безумия!» — Кс. «А разбалтывать это всем и каждому?» — Э. «Я-то? Да так рад, когда это делаю, словно у меня ночное осквернение бывает!» — Кс. «О Феб Апполон! Дай мне руку, позволь поцеловать тебя и сам поцелуй меня, и скажи мне ради Зевса, который для нас с тобой покровитель братства плутов... (пауза). Что это за шум в доме, крик и брань?»

Ксанфий злорадствует, когда на Диониса нападают две трактирщицы: *καὶ οὐ φησὶ τινὶ* (552) ср. *ὁὖτοις τίς δίκην* (554). Эти реплики Ксанфий, если верить схоластику, произносит потихоньку, в сторону; также и следующую реплику в ст. 563 *τοῦτοις πᾶσι τοῖς ῥαῖς, οὗτος ὁ τῖς ποτὶς κατὰ τοῦ* он произносит «незаметно для Диониса», согласно ремарке Левена, «натравляя женщин на Диониса» (schol.).

Ксанфий и в глаза говорит грубости своему хозяину. В ст. 486 он называет его «величайшим трусом среди богов и людей». Такой же смысл имеет его ироническое восклицание в ст. 491: *ἀνδρείς γ', ὃ Πόσειδον*. В ст. 41, на хвастливое замечание Диониса, что Геракл его страшно испугался, Ксанфий отвечает: «(Да, он испугался), не сошел ли ты с ума». Впрочем, может быть, он произносит эту фразу в сторону, хотя комментаторами это не отмечено. В ст. 34 Ксанфий жалеет, что он не участвовал в сражении при Аргинусских островах, за участие в котором рабам была дана свобода, и прибавляет: «тогда я послал бы тебя ко всем чертям» (говоря современным языком). Но возможно, что эти слова он произносит в сторону или, по ремарке Левена «ворча про себя». Однако вероятнее, что господин слышал эти слова, потому что вслед за тем он называет его *κατωῖρος*.

Таким образом, Ксанфий является одним из первых типов рабов в аттической литературе (по крайней мере дошедшей до нас), с ярко очерченным классовым характером.

Мягче его настроен к господам (своим и чужим) Карион в «Плутосе». Однако и он называет в ст. 46 Хремила дураком. Он тоже, в ответ на угрозы хозяина побить его, бросает дерзкое слово «ерунда» (23).

С чужими господами Карион еще меньше церемонится. Ведя по приказу хозяина стариков-соседей к нему, он их называет *ὃ ποτῖροι* «дряни» (265).

Фамильярность Кариона с этими соседями доходит до грубоватых насмешек: когда старики спрашивают его, по какому делу господин его зовет их, он, издеваясь над ними, говорит только, что хозяин привел к себе какого-то старика с разными старческими недостатками, умалчивая, однако, что это — сам Плутос, даже говорит, что им уже пора умирать. Харон их дожидается (277). Эти издевательства вызывают, наконец, у стариков сердитое восклицание «чтоб ты лопнул».

Впрочем, в общем Карион настроен к ним благодушно: в своем первом обращении к ним он их называет: «О вы, поевшие много лука вместе с моим господином, друзья, демоны и любители труда!» (253—254).

Эти драматические картинки фамильярных до дерзости отношений рабов к господам служат превосходной иллюстрацией того озорства рабов

в Афинском государстве, на которое жалуется один современник Аристофана, автор Псевдо-Ксенофоновой «Афинской политики», I, 10: «У рабов и метеков в Афинах очень большая распущенность, нельзя там ударить раба, и он не посторонится перед тобой». Платон также считает отрицательной чертой, «когда купленные рабы и рабыни бывают несколько не менее свободны, чем купившие» (Reip., 563 B). Где Платон (или Сократ) видел такое положение дел, он не говорит. Позднее, в IV в., Демосфен говорил (IX, 3), что в Афинах можно видеть многих слуг, пользующихся большей свободой слова, чем граждане в некоторых городах.

Хорошие качества рабов. Менандр рекомендовал именно свободу слова как средство для улучшения рабов в нравственном отношении (FCG, IV, 181 Meip. = fr. 370 Kock). Быть может, эта сравнительная свобода рабов в Афинах, хотя и порождавшая их озорство, тем не менее способствовала тому, что были рабы, относившиеся к господам благожелательно, близко принимавшие в сердце их интересы.

Аристофан, по крайней мере, изображает Кариона и отчасти Ксанфия симпатичными чертами.

Карион проявляет свою солидарность с интересами барина уже с самого начала пьесы. «Как тяжело», говорит он, «попасть в рабство к сумасшедшему господину! Ведь, если слуга подаст самый хороший совет, но его хозяин решит поступить не так, то слуге по необходимости приходится делить с ним несчастья» (являющиеся следствием неразумного образа действий хозяина).

Видя, что Хремил идет по следам за слепым человеком, Карион приходит к мысли, что барин сошел с ума, и сердится на Аполлона (ст. 8), что он «будучи врачом и прорицателем, как говорят, умным, отпустил хозяина моего сумасшедшим». С опасностью для себя быть битым, он пристаёт к Хремилу с вопросом о цели такого странного поступка его (18 и сл.). Он прибавляет, что пристаёт к нему не из пустого любопытства, а по очень большому расположению к нему (25). Хремил верит ему и сам заявляет, что считает его самым верным из своих слуг, хотя и самым воровитым (27), и рассказывает ему, в чем дело. Узнавши, что это делается по приказанию бога, Карион опять с тою же заботливостью об интересах хозяина, приступает к выяснению личности слепого старика, чтобы определить смысл оракула, не останавливаясь перед самыми крутыми мерами для этой цели: угрозами побить его или погубить (56; 65; 68). Средства эти помогли: старик открывает свою тайну: он — Плутос. Когда Плутос пессимистически говорит, что все люди — скверны, Карион, — очевидно, обижаясь, что он и хозяина причисляет к этим «всем», гневно восклицает: «Худо тебе будет» (111).

Когда речь заходит об исцелении Плутоса от слепоты, и Хремил сам хочет взять на себя это рискованное дело (216), Карион сейчас же вызывается принять участие в нем. Как только Хремил дает ему первое поручение, Карион уже от нетерпения, не давая ему закончить приказание, перебивает его вопросом: «Что мне делать, скажи» (222). — Ведя стариков-соседей к Хремилу на помощь, он от радости пляшет вместе с ними (290). Конечно, он принимает участие в исцелении Плутоса, — сопровождает его в храм Асклепия и, увидев там, что Плутос уже прозрел, от радости хлопает в ладоши (739) и будит хозяина. — Наконец, благодаря Плутосу, Хремил разбогател. Карион, вполне разделяя интересы господина, отождествляет себя с ним: уже говорит «мы», «у нас»: «К нам в дом вломятся куча счастья» (804); «Какая нам может быть от тебя польза, если ты здесь будешь?» говорит он Гермесу, желающему поступить в услужение к новому барину (1152). «Мы богаты, так что же нам за надобность кормить торгоша Гермеса?» продолжает он (1156), и, наконец, соглашается принять

его на службу (1168). Подобным же образом слуга в «Облаках» (ст. 56) докладывает барину Стрепсиаду: «масла у нас нет в лампе». Левен видит в этом признак «бесстыдства» раба¹. Ближе к истине мнение Старки (ук. соч.), что раб фамильярно отождествляет интересы своего господина со своими собственными. Кёрте (в предисловии к изданию Менандра, стр. XX) тоже видит в этом признак верного раба.

Когда приходит сикофант с жалобой на новый порядок вещей, из-за которого ему стало плохо жить, Карион сурово осуждает его за то, что он не занимается никаким полезным трудом (901 и сл.).

Карион храбр: когда сикофант не хочет добровольно отдать свой плащ и башмаки и, по привычке внушать всем страх (Роджерс²), предлагает и теперь желающему подойти к нему и взять эти вещи силой, Карион говорит: «так вот я — тот желающий» (929), и снимает с сикофанта плащ и башмаки. Он не боится и самих богов: «Клянусь Зевсом», говорит он Гермесу, «и никто не будет приносить вам (богам) жертв, потому что вы плохо заботились о нас» (1116—17).

Но, что всего замечательнее в аристофановой характеристике Кариона, это — то, что Аристофан включает и его в число «добродетельных» людей: милость Плутоса коснулась только людей добродетельных: это высказывает сам Карион по поводу подходящего Правосуда (826). Конечно, можно сказать, что Карион попал в число этих счастливых, так сказать, механически, — потому что в число их попал его господин; но все-таки было бы странно, если бы скверный, с точки зрения Аристофана, раб удостоился этой чести.

Добродетель Кариона по преимуществу — рабская; она заключается главным образом в его преданности господину. В этом отношении добродетель Ксанфия отличается от Карионовой: у Ксанфия она более общечеловеческая.

Главное достоинство у Ксанфия — это храбрость. В то время, как Дионис изображен презренным трусом, который всего боится³, Ксанфий, напротив, является смельчаком, для которого нет ничего страшного.

Таким контрастом это свойство его особенно подчеркивается. Да он и сам не прочь поугубить своего трусливого хозяина. Только что Дионис похвастался при первых шагах своего вступления в тьму преисподней, что он желал встретить что-нибудь и совершить подвиг. Ксанфий делает вид, будто верит в храбрость своего хозяина (ст. 285), и сейчас же подвергает ее испытанию: то слышит он какой-то шум, то видит разных чудовищ. Трудно сказать, видит ли он их в действительности или только притворяется, что видит, с целью поугубить хозяина (Роджерс²). Во всяком случае, цель его достигнута: Дионис ведет себя самым недостойным образом.

Здесь господин раба, да к тому же еще бог, представлен и презренным трусом и неблагородным, низким существом, и на этом фоне личность раба получает особенно благоприятное освещение: он и храбр и даже в значительной степени великодушен.

Заключение. В заключение бросим взгляд на эволюцию типа раба в древней драматической литературе.

У Эсхила рабы играют самую ничтожную роль, и притом только в двух трагедиях, — «Агамемноне» и «Хоефорах»: в «Агамемноне» — сторож, говорящий короткий пролог (1—39) и затем не появляющийся; в «Хоефо-

¹ Aristoph., Plut. ed. J. Leeuwen, Lugd. Bat., 1904

² Aristoph., Comedies, ed. B. B. Rogers, L., 1902.

³ По словам древнего схолиаста к Ran. 40 (в Rav.), Дионис и вообще изображается на сцене (комической) трусом.

рах» — слуга, произносящий два раза по одному стиху (657, 886), и кормилица Ореста, говорящая сперва монолог, потом обменивающаяся с хором несколькими фразами (734—782).

Софокл выводит рабов во всех трагедиях, кроме «Филоклетета»; но все-таки роли их и невелики и, самое главное, чрезвычайно бледны: это лишь «одушевленные орудия», лишённые всякой индивидуальности. Так, в «Аяксе» раб-педагог является в виде немого лица, приносящего Аяксу его сына (ст. 544—545). Текмессу нельзя причислить к классу рабов: хотя она и называет себя рабой (489), но она — не служанка, а наложница Аякса, и роль ее ничем не отличается от роли законной жены. В «Эдипе-царе», «Эдипе Колонском», «Антигоне», «Трахинянках» роли рабов только повествовательные: это — вестники или (в «Эдипе-царе») пастухи, которые рассказывают о событиях, не внося в рассказ никаких характерных черт своих; их можно было бы заменить какими-угодно другими лицами. Единственной трагедией Софокла, где роль раба более значительна, — это «Электра»: тут старый слуга Ореста принимает некоторое участие в действии, но также не характеризуется как самостоятельно действующее лицо.

Совершенно меняется картина в трагедиях Еврипида. У него рабы выводятся в каждой пьесе; они принимают иногда большое участие в драматическом действии; они говорят много о своем рабском положении, по большей части изображаются в очень симпатичном виде; занятия их чрезвычайно разнообразны; рабы из трагедий Еврипида по большей части любят господ, и господа любят их; они пускаются в резонерство, в философские рассуждения, иногда совершенно не подходящие к обычному культурному уровню раба.

Что именно Еврипид ввел такое новшество, это заметили уже древние критики: в «Лягушках» (948—959) Еврипид сам заявляет, что в его драмах ни одно лицо с первых слов не остается в бездействии, но все говорят: и женщина, и раб — нисколько не менее (т. е. чем другие лица), и господин, и девушка, и старуха. Эту фразу надо понимать, повидимому только в том смысле, что роль раба у Еврипида расширилась и стала не менее важной, чем роль господина; на такой смысл указывает дальнейшее заявление Еврипида о том, что это новшество имеет демократический характер (952). По мнению Эсхила, выражающего взгляды самого Аристофана, за это дерзкое нововведение Еврипид заслужил смертную казнь (951). В другом месте (Ach., 400) Аристофан устами Дикеополя смеется над хитроумными репликами рабов у Еврипида: «О трикрат счастлив ты, Еврипид, когда раб твой так умно отвечает!». Сходясь к этому стиху замечает: «Под видом похвалы он обвиняет Еврипида в том, что он выводит в трагедиях рабов красноречивыми». По словам Оригена, Аристофан смеялся (вероятно, в какой-нибудь не дошедшей до нас комедии) и над философствованием рабов у Еврипида (место это приведено в комментарии Фриче к «Лягушкам»¹, ст. 949).

В последующее время Еврипид пользовался такой популярностью, что новая комедия подпала под его влияние, как это признают почти все историки греческой литературы. Есть об этом и древнее свидетельство — Квинтилиана (X, 1, 69): *admiratus maxime est, ut saepe testatur, et secutus [Euripidem], quamquam in opere (жанр) diverso, Menander*. Другой выдающийся поэт новой комедии, Филемон, свое уважение к Еврипиду выразил в таких восторженных словах: «Если бы мертвые и в самом деле имели чувство, как некоторые утверждают, я удавился бы, лишь бы только уви-

¹ Aristophan, Ranae, ed. F. V. Fritschius, Turici, 1845.

дать Еврипида» (FCG, IV, 48). У третьего, тоже крупного автора новой комедии, Дифила, одно из действующих лиц называет Еврипида золотым (IV, 402).

И действительно, Еврипид имел все права на такое предпочтение: он гораздо ближе, чем Эсхил и Софокл, подошел в своих трагедиях к драмам из обыденной жизни, каких до него не было: хотя персонажи его по-прежнему боги и герои, но по характеру и способу выражения они уже мало отличаются от обывковенных смертных. Авторам новой комедии нужно было сделать еще только один шаг, чтобы низвести возвышенную некогда греческую трагедию до уровня бытовой драмы, какой и является новая аттическая комедия. Менаандр прямо переносил канву трагедий в обыденную обстановку; так, например, сюжет комедии Менаандра ¹ *Ἐπιτροπὴς* имеет связь с сюжетом двух трагедий Еврипида — «Авга» и «Алопа»². В отрывке биографии Еврипида, найденном в Египте, также высказана мысль о близости сюжетов новой комедии и Еврипида: «насилие над девушками, подбрасывание детей, узпавание посредством перстней и ожерелий, — вот что составляет главное содержание новой комедии, а все это довел до высшей степени Еврипид».

Труднее высказать определенное мнение об отношении средней аттической комедии к трагедии Еврипида, с одной стороны, и к новой аттической комедии, с другой, — ввиду того, что от средней комедии сохранились лишь мелкие отрывки. Однако влияние Еврипида, несомненно, сказалось и на авторах средней комедии: вдохновляясь примером Еврипида, специально его «Иона», Анаксандрид, один из выдающихся поэтов средней комедии, впервые, как говорят наши источники, построил свою комедию на патетическом мотиве «обольщения» невинной девушки и «признания» впоследствии ее ребенка родителями³. Про этот мотив можно сказать, что он одинаково пригоден и для трагедии и для комедии. Гораздо более пригоден для комедии другой еврипидовский мотив — мотив интриги. Поэтому комикки и позанимствовали его, — кто именно, трудно сказать, скорее всего Алексид.

С другой стороны, можно считать доказанным, что средняя комедия подготовила почву для новой, что последняя не внесла ни одного существенно нового элемента, которого не использовали с успехом уже более ранние поэты.

Таким образом, средняя комедия является связующим звеном между Еврипидом и новой комедией, причем, как мне представляется, на комедию Менаандра и Филемона Еврипид еще раз мог оказать непосредственно свое влияние.

Но является вопрос: в каком отношении находится средняя и новая комедия к древней, в частности к Аристофану, о котором только мы и можем судить более или менее уверенно? В этом вопросе мнения специалистов расходятся. Магаффи в своей истории греческой литературы решительно признает связь средней и новой комедии с древней и отвергает влияние Еврипида: «Когда утверждают — говорит он, что все эти поэты средней и новой комедии обращались к Еврипиду, как к своему образцу, и что он был постоянным основателем этой драмы интриг, а, следовательно и уточненной комедии, такая критика кажется мне лишенной смысла»³.

¹ Ср. J. A. S y m o n d s, *Studies of the Greek poets*, II, стр. 199. См. также противоположное мнение Зюсса.

² Свиды об Анаксандриде: «Он первый ввел любовные сюжеты и насилия над девушками». Введение этого мотива в комедию приписывается также и Аристофану (см. ниже).

³ Д. П. Магаффи, *История классического периода греческой литературы*, М., 1882, т. I, стр. 444.

«Слог Еврипида... бесспорно служил образцом для новой комедии... Но, как мне кажется, Еврипид так же мало служил образцом Менандру, как и Антифану и Александру» (там же). Аристофана Магаффи называет их наставником (там же). «Постоянные черты старой комедии были унаследованы новой при посредстве средней» (там же, стр. 443). «Для всякой выдающейся черты, приписываемой средней комедии, находится параллель у старых комиков» (там же, стр. 436). Бергк также признает влияние древней комедии на среднюю и новую¹. «Поэты средней и новой комедии, — говорит Бергк, — хотя и идут своей собственной дорогой, кое-чему научались у своих предшественников» (ук. соч., стр. 110—111). «Средняя комедия, с одной стороны, напоминает древнюю комедию;... с другой стороны, она подходит довольно близко к новой» (там же, стр. 129). «Алексид обладает хорошим юмором; если он в этом отношении еще иной раз напоминает древнюю комедию, особенно Аристофана, то мы можем предположить, что он не пренебрегал изучением этих классических комедий» (там же, стр. 152). Еще Sobet возводил среднюю комедию к древней — к Платону (комику) и даже Кратету².

Дени находит, что комики Фереkrat и Платон почти принадлежат к средней комедии³. Бете также находит, что древняя комедия оказала влияние на среднюю⁴.

Некоторые ученые, напротив, совсем не упоминают о влиянии древней комедии на позднейшую. Например, Вилламовиц называет позднейшую комедию дочерью еврипидовской трагедии⁵. Один русский ученый, задав себе вопрос, кто был настоящим предшественником Менандра, отвечает: «Подобным предшественником не был, конечно, Аристофан и древняя комедия... Равным образом, не могли иметь здесь большого значения и представители „среднего“ комического жанра» (впрочем, автор имеет в виду здесь только мотив любви).

Против такого мнения об исключительном влиянии Еврипида на позднейшую комедию можно выставить, мне кажется, следующие соображения. С одной стороны, поэты этой поздней стадии использовали мотивы Еврипида крайне односторонне, заимствуя у него по этой части лишь очень немногое, главным образом мотив любви с его неперменными спутниками — «обольщением» и «узнаванием», мотив, который самим Еврипидом был применен лишь в очень немногих пьесах (поскольку нам известно), а именно, в «Скованной Меланиппе», «Алопе», «Антиппе», «Авге», «Ионе», т. е. из числа дошедших до нас — только в одном «Ионе». Заимствованы некоторые персонажи у Еврипида, например, доверенная старуха-служанка. Но зато сколько мотивов и типов еврипидовской трагедии не использовали эти комики, например мотива ревности (в «Медее»), очень пригодного для бытовой драмы! С другой стороны, комические поэты ввели вновь или заимствовали из древней комедии (в том числе у Эпихарма) такие типы, которых нет у Еврипида: например, тип хвастливого воина выработанный новой комедией; парасит (первый у Алексиды) возобновлен из Эпихарма;

¹ Th. Bergk, Griechische Literatur, B., 1887, IV.

² См. J. Denis, La comédie grecque, P., 1886, II, стр. 397.

³ Там же, стр. 294.

⁴ E. Bete, Griechische Poesie, в кн.: A. Gercke u. E. Norden, Einleitung in die Altertumswissenschaft, Lpz u. B., 1910, I, стр. 308. Удивительна только ссылка Бете на то, что будто «der Komiker Platon... von Horaz (Sat., II, 3, 11) geradezu als Archeget der *ueta* aufgeführt wird». Ничего подобного нет в этом месте Горация: Quorsum pertinuit stipare Platona Menandro? Eupolin, Archilochum, comicos educere tantos? Даже неизвестно, кто-то Платона разумеет Гораций — философа или комика.

⁵ U. Wilamowitz-Moellendorf, Die griechische Literatur, B. u. Lpz., 1905, стр. 127. Cp. A. Pierson, Histoire de la littérature grecque, P., 1875, стр. 457—458; F. Bendor, Geschichte d. griechischen Litteratur, Lpz., 1886, стр. 682.

скупого отца и расточительный сын имеют своих предшественников в Стрепсиаде и Фидиппиде Аристофана.

Против мнения ученых, игнорирующих связь позднейшей комедии (IV века) с древней, говорят еще и следующие факты. Что Аристофан не был забыт поновой комедией, указывает стих Филемона: *μετέχουσιν ἀνέχεται τῶν χαλῶν γὰρ γίγνεται*, в котором видно подражание Аристофану. Древние филологи, которые имели более возможности, чем мы, сравнивать аристофановскую комедию с комедией IV века, видели связь между этими жанрами комедии. Так, Платоний находит, что комедия Аристофана «Эолосикон» и другие комедии древнего типа уже носят характер средней комедии¹.

В «Эолосиконе» был выведен повар, характерное лицо для средней комедии (FCG, II, 945, fr. 4). Автор биографии Аристофана полагает, что комедией «Кокал» Аристофан положил как бы начало новой комедии (FCG II, 941)². Из дошедших до нас комедий близко подходит к типу средней комедии «Плутос»; недаром древний схолиаст к Plut., 515, находит, что «от этого [стиха] пахнет средней комедией».

Против игнорирования связи между комедией V и IV в. можно указать еще на два обстоятельства — на метрику и язык. Имбирский триметр средней и новой комедии с его распущенными, анапестами и т. д. тождествен с триметром Аристофана и значительно отличается от строгого трагического триметра Еврипида. Язык средней и новой комедии, хотя и отличается от аристофановского отсутствием смелых образований новых слов, но в общем одинаков с ним в том отношении, что и тот и другой является в лексическом и в грамматическом отношении обычным разговорным языком аттиков, тогда как язык Еврипида, подобно языку остальных трагиков, есть язык искусственный, никогда не бывший в живом употреблении³.

Но возможно, что уже Аристофан (и другие поэты древней комедии) подвергся могучему влиянию осмеиваемого им Еврипида и комедия IV в., унаследовав традиции древней комедии, унаследовала уже вместе с ней и некоторые еврипидовские черты⁴. «Как Кратин напоминает Эсхила —

¹ FCG, II, 940, Meineke; Aristoph., Comoediae, ed. T. Bergk, t. I, Lips., 1907, стр. XXX).

² FCG, II, 941; Aristoph., ed. T. Bergk, I, стр. XLV, § 10. Ср. там же, стр. XLIV, § 1: «Он первый показал манеру новой комедии в „Кокале“, исходя из которого стали творить свои драмы Менандр и Филемон». Ср. слова Meinelke (FCG, II, стр. 941): «Ту и другую пьесу „Эолосикон“ и „Кокал“ следует всецело причислить к средней комедии, но они отличаются одна от другой тем, что „Эолосикон“ вполне носит характер средней комедии; что же касается „Кокала“, то хотя в основе этой пьесы и лежит древнее предание, она, однако, целиком вращается в пределах частной жизни». С Платонием согласен и Диндорф: «„Эолосикон“, как можно понять из слов Платония, была пьесой средней комедии; „Кокал“ же, как будет показано ниже, относится к новой комедии» (Aristoph., P., Didot, стр. 463).

³ Совершенно несомненно мнение некоторых ученых, например А. и М. Круазе, История греч. литературы, СПб., 1916 стр. 301—302, что язык Еврипида «мог перейти, без больших изменений, к Менандру и к поэтам новой комедии». Хотя язык Еврипида ближе к языку быденной жизни, чем язык Эсхила и Софокла, но во всяком случае он весьма далек от него. Круазе ссылается на то, что Аристофан стал подражать языку Еврипида (стр. 301), — вероятно, имея в виду фрагмент Аристофана (II, 1142, fr. 4): *ὁρῶμαι γὰρ αὐτοῦ τοῦ στόματος τῷ στρουγγῶν*; но, наверно, под этим выражением Аристофан понимает не язык Еврипида в собственном смысле, а специальные свойства его в риторическом смысле, именно складность, округленность, красоту, приятность. Эрнести (J. Ch. Th. Ernesti, Lexicon Technologiae Latini-rum rhetoricae, Lips., 1797, s. v.) так определяет понятие *rotundus*; «Этой метафорой пользуются греческие и латинские риторы для обозначения складного и приятного порядка и расположения слов» (ср. мнение Эрнести, Lexicon Technologiae Graecorum rhetoricae, Lips., 1795, s. v. *στρουγγῶν*). Что же касается самого языка Еврипида, то Аристофан на каждом шагу высмеивает его манерность и отдаленность от языка быденной жизни; подражания нельзя подметить.

⁴ Ср. Th. Bergk, Griechische Literatur, III, стр. 176.

говорит Бергк (Gr. Lit., III, стр. 176) — так Аристофан — Еврипида, и комик сам признается, что он ходил в школу трагика». Ничего удивительного в этом нет: даже противники Еврипида не могли освободиться от его влияния¹. О влиянии его на Аристофана у нас имеются и прямые указания из древности. В схолиях к Платону сказано, что Аристофан подвергался насмешкам комиков за то, что, осмеивая Еврипида, подражал ему (FSG, II, стр. 1142). В приведенном сейчас фрагменте Аристофан сам признается, что он пользуется красивым способом выражения Еврипида. О том, что в комедии «Покал» он применил мотивы — «обольщение девицы, узник ребенка и все прочие мотивы, которые любил Менандр», мы уже говорили: а это как раз еврипидовские мотивы. — В «Плутосе» монолог Кариона, которым начинается эта комедия, с философским рассуждением о печальном положении раба, напоминает рассуждения рабов на эту тему у Еврипида. Возможно предположить даже, что такие монологические изображения ситуации, какие находятся в комедиях «Всадники» (ст. 40—70), «Осы» (ст. 54—135), «Мир» (ст. 50—81), «Птицы» (ст. 30—48), где, с прямым обращением к зрителям, дается рассказ о положении дел, предшествующим началу драматического действия, — представляют собой прием, заимствованный у Еврипида. Впрочем, Аристофан изменил его в том отношении, что такой монолог в упомянутых комедиях находится не в самом начале пьесы, как у Еврипида, а после небольшого диалога, и еще в том, что Аристофановы персонажи обращаются прямо к публике, нарушая этим драматическую иллюзию; однако и обращение Еврипидовых персонажей с рассказом к земле и небу (Med., 57) или к солнцу (Phoen., 1—3), к городу Аргосу (Electr., 1) или, наконец, просто ни к кому, как в большей части прологов, — в сущности ничем не отличается от обращения к зрителям; в комедии такие обращения были бы уже совсем неуместны. Во всяком случае сходство этого приема с Еврипидовым бросается в глаза; у Эсхила и Софокла таких рассказов публике нет. Конечно, вследствие утраты всей остальной драматической литературы, мы не можем с уверенностью сказать, что Аристофан заимствовал этот прием именно у Еврипида; но Фома Магистр свидетельствует, что этот прием был изобретением Еврипида². Ничего странного нет в том, что Аристофан усвоил себе прием, который, может быть, был уже общеупотребительным во время его выступления на драматическое поприще; ведь, кроме Еврипида, было в то время немало число трагиков, подражавших ему, и притом пользовавшихся расположением публики и нередко одерживавших победы над Еврипидом в драматических состязаниях³. Такое влияние Еврипида и его школы на Аристофана тем менее удивительно, что даже старший современник Еврипида Софокл в позднейших своих произведениях усвоил себе немало еврипидовского⁴.

Ввиду всего вышеизложенного мы должны признать связь между древней комедией и позднейшей. К этому мнению пришли также два ученых после находки комедий Менандра — Бете и Зюсс. Сказав о том, что наши

¹ Там же, стр. 569.

² У Th. Bergk, ук. соч., III, стр. 593, прим. 374.

³ Например, трагик Неофрону Сидя приписывает повествование о падении в трагедии роли педагога и изображение пыток рабов (W. Christ, Geschichte der Griechischen Literatur, München, 1898, § 189).

⁴ Между прочим, влияние Еврипида на Софокла по отношению к роли рабов можно видеть в «Электре»: как я уже говорил (стр. 34), это единственная трагедия Софокла, в которой роль слуги довольно значительна. Эта особенность «Электры» может служить одним из аргументов в пользу мнения о том, что она принадлежит к числу позднейших произведений Софокла. Мнения критиков относительно времени ее написания сильно расходятся (см. W. Christ, ук. соч., § 170; A. Körte, Die griech. Komödie, стр. 57—58; Th. Bergk, ук. соч., III, стр. 375).

сведения о Менандре были недостаточны до находки комедий его в Египте и что обработки Плавта и Теренция не давали о нем должного представления, Бете продолжает: «Здесь Менандр выступает перед нами бесконечно более тонким, но в то же время и более грубым и связанным с древней комедией еще теснее, чем думали»¹. Еще решительнее ту же мысль выражает Зюсс. «Всякая новая находка из области новоаттической комедии дарит нас новыми неожиданностями по поводу родства с Аристофановской комедией, чему с трудом веришь»².

Истина, надо полагать, лежит, в середине между двумя крайностями: средняя и новая комедия была под влиянием обоих факторов — и древней комедии и еврипидовской трагедии.

Я сделал это отступление для того, чтобы точнее определить эволюцию типа раба в средней и новой комедии. Откуда же эта комедия заимствовала его: от Еврипида или от Аристофана и вообще из древней комедии? Уже в средней комедии действующим лицом является хитрый и веселый раб, который помогает молодому господину в его интригах³. Рабы Еврипида совершенно не похожи на этих рабов средней и новой комедии. Гораздо больше сходства с ними имеют аристофановские рабы, — веселые, шутящие, остроумные. Но зато рабы у Аристофана во всех комедиях, кроме «Лягушек» и «Плутоса», не имеют такого важного значения в экономике пьесы, какое они имеют у Еврипида и в комедии IV века. На основании этого решение выше поставленного вопроса подсказывается само собой: тип раба в комедии IV в. является контаминацией типов раба аристофановского и еврипидовского: у Аристофана позаимствован и развит дальше характер раба, у Еврипида — обычай выводить его в крупной роли. Возможно, что сам Аристофан и в этом отношении подвергся влиянию Еврипида: между тем как в более ранних пьесах Аристофана роль раба столь же незначительна, как у Эсхила и Софокла, — в «Лягушках» и «Плутосе», как раз самых поздних его произведений, роль раба на много расширена, и притом в «Плутосе» еще больше, чем в «Лягушках»: всего вернее предположить, что это произошло именно под влиянием Еврипида.

Таким образом, менандровская комедия мне представляется завершением длительного процесса, исходным пунктом которого является древняя аттическая (и даже сицилийская) комедия; постепенно проникают в комедию еврипидовские мотивы и технические приемы. Уже Аристофан, как мы видели, стал применять в прологе рассказы зрителям о событиях, нужных для понимания драматического действия, усилил роль раба в экономике пьесы, ввел мотивы обольщения девицы и узнавания когда-то брошенного ребенка его родителями. В средней комедии роль раба еще более расширяется, вводятся новые типы, мотив обольщения применяется, комедия принимает часто эротический характер, сложность интриги увеличивается. В таком виде средняя комедия переходит в новую, в которой эти еврипидовские приемы и мотивы становятся уже постоянными, и к ним прибавляются еще новые типы, например хвастливого воина, и новые приемы, например то, что события, предшествующие драматическому действию, излагаются в отдельном прологе, совсем не связанном с действием, и пролог произносится лицом, не участвующим в драме, иногда каким-нибудь олицетворением отвлеченного понятия⁴. Параллельно с этими изменениями комедия теряет свой прежний политический харак-

¹ В кн.: A. G e r s c k e u. E. N o r d e n, ук. соч., I, стр. 309.

² W. S ü s s, Aristophanes und die Nachwelt, Lpz, 1911, стр. 191.

³ T h. B e r g k, Griechische Literatur, J. S. E r s c h u. J. G. G r u b e r, Allgemeine Encyclopädie der Wissenschaften u. Künste, т. 81, Lpz, 1863. стр. 381a.

⁴ T h. B e r g k, Griech. Lit., IV, стр. 179—180.

тер и свою прежнюю необузданную веселость¹ и постепенно становится драмой из обыденной жизни, со сложной интригой — драмой, иногда имеющей мало комизма, но со счастливым концом.

При таком преобразовании комедии происходила и постепенная эволюция роли и типа раба. Незначительная роль трагического раба у Эсхила и Софокла приобретает большую важность у Еврипида; соответственно этому незначительная роль комического раба в ранних пьесах Аристофана усиливается под влиянием Еврипида в позднейших пьесах Аристофана и в таком виде переходит в среднюю комедию, где эта роль уже становится еще более важной: «со времени Антифана раб вмешивается в действие как существенный член персонажа комедии»². Наконец, этот тип переходит в новую комедию и тут, в произведениях Менандра и Филемона, делается необходимой принадлежностью всякой комедии. Из новой аттической комедии тип слуги переходит в римскую комедию, а отсюда уже в европейскую драму нового времени. Благодаря Плавту и Теренцию Менандр стал воспитателем и Шекспира, и Лопе, и Мольера, а через них и всей новейшей комедии вообще. Здесь теснее, чем где-либо, связь между поэзией нового и поэзией античного мира. Таким образом, тип аристофановского раба в лице Кариона и Ксанфия, раба умного, храброго, благородного, является прототипом слуги европейской комедии.

¹ Ср. там же, стр. 139.

² W. R i b b e s k, Geschichte der römischen Dichtung, I, стр. 72. Хотя до нас не дошло ни одной пельной комедии среднего периода, но уже из сохранившихся отрывков видно присутствие «хитрого и веселого раба». Еще более полное представление о типе раба в средней комедии можно составить по Плавтовским переделкам нескольких пьес ее, если верны предположения разных ученых о том, что оригиналы «Амфитриона», «Пленников», «Перса», «Псевдола» принадлежали к средней комедии. Об «Амфитрионе» это мнение высказали Th. B e r g k, Griech. Lit., IV, стр. 123, W. C h r i s t, Griech. Lit., § 217; о «Пленниках» — M u r e t u s и L a d e w i g, считающие автором оригинала этой комедии Алакандрида (см. W. C h r i s t, Griech. Lit., § 217, прим. 2 и прим. 4), но Вилламовиц считает оригинал этот «nachmenandrisch» (U. W i l l a m o w i t z, Griech. Lit., стр. 127); о «Персе» — A. K ö r t e, Griech. Komödie, стр. 66, 70 и A. G e r c k e, Griech. Lit., Göschen, стр. 137; о «Псевдоле» — Th. B e r g k, Griech. Lit., IV, 123.